

ПРИНЦЕССА, КОТОРАЯ УВОЛИЛАСЬ

АЛИСА ВЕРЕСОВА

Алиса Вересова

Принцесса, которая уволилась

<https://litres.ru/74413458>

SelfPub; 2026

Аннотация

Тридцатилетняя принцесса Мирена хочет не замуж и не на трон. Она хочет уволиться. Но в Латории сказочные роли закреплены магией публичных обещаний, а казначейство уже выставило ей счёт за воспитание, платья и спасение от дракона.

Открыв бюро трудовых прав «Своя роль», Мирена помогает башмачницам, ведьмам, спасённым героиням и даже волкам разбираться с договорами, в которых счастливый конец оказался бессрочной работой. Каждая победа отнимает у неё слово, способное описать её саму. А дворцовая финансистка Элиана, обязанная взыскать долг, первой признаёт право Мирены уйти — и слишком хорошо понимает цену чужой зависимости.

Чтобы освободить город, им придётся доказать стоимость невидимого труда, не обрушить хлебный резерв и создать право, которое не зависит от милости короны. Остроумное сатирическое фэнтези о границах, согласии, взрослой любви и свободе, которая начинается не со спасителя, а с собственного заявления.

Содержание

От автора	4
Глава 1. Заявление, которого не существует	5
Глава 2. Выходное пособие драконом	22
Глава 3. Бюро на втором этаже	39
Глава 4. Полночь как рабочее время	64
Глава 5. Финансистка считает людей	78
Глава 6. Семь гномов, одна ведомость	90
Глава 7. Цена ясного слова	106
Конец ознакомительного фрагмента.	116

Алиса Вересова Принцесса, которая уволилась

От автора

Сказки часто заканчиваются там, где героине выдают новую роль и называют её счастьем. Эта история начинается с другого вопроса: что происходит, если взрослая женщина читает условия, считает цену и решает уйти?

Перед вами вымышленное королевство с вымышленными законами. Его суды, договоры и магические клятвы не заменяют советов специалиста в реальной жизни. Зато переживания людей, чей труд считают естественным, а согласие — однажды выданным навсегда, вполне узнаваемы.

Книгу можно читать как приключение о необычном бюро, как сатиру на придворную бухгалтерию и как историю двух профессионалок, которые учатся не превращать близость в сделку. Главное здесь не победа над одной злой фигурой, а трудное создание правил, способных пережить своих создательниц.

Глава 1. Заявление, которого не существует

> Из Положения о непрерывности короны, лист первый: «Наследница исполняет назначенную ей роль с момента наречения и до наступления обстоятельства, предусмотренного порядком наследования».

Заявление Мирены весило меньше короны.

Три листа хорошей бумаги, синяя нить, восковая печать без герба. Она взвесила свёрток на ладони, прежде чем войти в Зал государственных прошений, и решила, что это обнадеживает. Вещь, способную изменить жизнь, не обязательно должен нести лакей на бархатной подушке.

У дверей стояли два стражника в парадных кирасах. Оба знали её с детства. Старший, Олвен, когда-то учил двенадцатилетнюю Мирену не держать меч как щипцы для сахара. Теперь он вытянулся и посмотрел поверх её плеча, будто там обязана была обнаружиться свита.

— Ваше высочество без сопровождения?

— Мирена. И да.

Олвен моргнул. Титул, не принятый адресатом, повис между ними серебряной пылью и не погас. Дворцовая магия всегда любила неловкость: в ней было достаточно внимания, чтобы удержать любое слово.

— В зал нельзя с оружием, — сказал второй стражник.
Мирена показала свёрток.

— Только заявление.

Олвен отступил. Пыль вокруг непринятого титула потянулась за Миреной тонкой ниткой и лопнула на пороге.

Зал государственных прошений был устроен так, чтобы человек заранее сожалел о своей просьбе. Девять окон приёма тянулись вдоль стены; над каждым висела доска с названием ведомства, написанным мелко и без надежды. Просители сидели на скамьях, прижимая к груди папки, корзины с доказательствами, клетки с заколдованными свидетелями. В центре зала фонтан шептал выдержки из правил подачи документов. Вода произносила их быстрее, чем мог разобрать смертный.

Когда Мирена вошла, очередь поднялась.

Не вся сразу. Сначала старик с клеткой, потом две женщины в дорожных плащах, потом мальчик-посыльный. За ними зашевелились остальные. Кто-то присел в реверансе. Кто-то поспешно спрятал прошение за спину. В дальнем углу заплакал ребёнок, потому что его мать слишком резко дёрнула его вниз.

— Пожалуйста, не надо, — сказала Мирена.

Это было обычное пожалуйста — негромкое, человеческое. Но зал уже признал в ней наследницу. С потолка отозвался золотой звон, и люди замерли в неудобных поклонах.

Мирена почувствовала знакомое сопротивление воздуха.

Стоило ей говорить в месте, где корону признавали законом, как голос становился больше неё. Его учили повелевать раньше, чем она научилась отказываться от каши.

— Я прошу вас выпрямиться, — произнесла она осторожно.

Звон повторился. Люди выпрямились одновременно. Мать перестала удерживать ребёнка; старик чуть не выронил клетку.

Отличное начало для увольнения.

Мирена прошла к столу распорядителя. За ним сидел господин Клевир, начальник приёмной канцелярии, сухой человек с чернильными пальцами и способностью находить неподходящий бланк для любого случая. Он тоже встал, однако поклонился лишь настолько, насколько требовал протокол, не позволяя усердию испортить осанку.

— Ваше высочество оказали нам честь. Если бы мы получили уведомление, был бы приготовлен особый приём.

— Поэтому уведомления не было. Я хочу подать документ на общих основаниях.

Клевир посмотрел на девять окон. За каждым служащие внезапно нашли срочную работу в нижних ящиках столов.

— Разумеется. О каком предмете прошение?

— Не прошение. Заявление о прекращении исполнения обязанностей наследной принцессы.

Она положила свёрток перед ним.

Тишина возникла не сразу. Сначала перестало скрипеть

перо у ближайшего окна. Потом умолкли шепотки в очереди. Последним запнулся фонтан — на словах «в двух удостоверенных экземплярах» — и выпустил один растерянный пузырь.

Клевир не прикоснулся к бумаге.

— Простите?

— Я увольняюсь из династии.

— Из...

— Из династии. Освобождаю должность наследницы, отказываюсь от содержания и привилегий с первого числа следующего месяца. Прошу рассчитать причитающиеся выплаты и выдать справку о годах исполнения роли.

В очереди кто-то кашлянул. Не от болезни — от подавленного смеха.

Клевир перевёл взгляд со свёртка на Мирену и обратно.

— Династия не является ведомством.

— Она выплачивает содержание из казны, устанавливает распорядок, назначает обязанности и применяет взыскания. У неё есть гербовая бухгалтерия и три заместителя по церемониям. Если это не ведомство, то ведомства напрасно стараются.

Теперь кашлянули в двух местах.

— Ваше высочество, — тихо сказал Клевир, — такие вопросы решаются семейно.

— Совет короны утверждает мой распорядок. Казначейство оплачивает мои поездки. Суд церемоний штрафует за

отсутствия на балах. Если вся Латория участвует в нашей семейной жизни, она достаточно государственная для окна приёма.

Клевир наконец развязал нить. Он прочитал первую строку, побледнел и быстро свернул лист.

— Форма составлена неверно.

— В чём именно?

— В самом предмете.

— Это не реквизит формы.

— У нас нет такого вида заявления.

— Поэтому я написала его сама.

— Самостоятельно составленные документы принимают-ся только в случаях, когда предусмотрена свободная форма.

— А какая форма предусмотрена для увольнения прин-цессы?

Клевир расправил плечи. Найдя основание для отказа, он заметно успокоился.

— Никакая.

— Значит, свободная.

— Значит, действие не предусмотрено.

Мирена знала, что услышит нечто подобное. Три недели она читала своды, которые прежде за неё читали наставники. В каждом нашлось, как наследница должна приветствовать послов, открывать мосты, выбирать мужа, рожать продолжа-телей линии и умирать в случае необходимости. Ни в одном не было сказано, что случится, если она захочет перестать.

До сегодняшнего утра отсутствие запрета казалось ей ла-
зейкой. Теперь Клевир предъявил отсутствие двери.

— Поставьте входящий номер, — сказала она. — Отка-
зать сможете письменно.

— Я не могу зарегистрировать несуществующий доку-
мент.

— Он существует. Вы держите его в руках.

Клевир испуганно положил лист на стол.

— Бумага существует. Вид документа — нет.

— Вы отличаете их только потому, что бумага не просит
вашего разрешения называться бумагой.

По залу прокатился смешок и тут же стих. Золотые линии
на потолке дрогнули. Мирена почувствовала, как голос сно-
ва наливается властью. Смешок был одобрением, внимание
— свидетелем, а спор о роли давал дворцовой магии пищу.

Она понизила тон.

— Господин Клевир, я не прошу вас согласиться. Я тре-
бую зарегистрировать факт подачи.

Слово «требую» прозвучало над залом, ударило в окна
и вернулось приказом. Девять служащих одновременно по-
тянулись за регистрационными штампами. Клевир схватил
ближайший обеими руками, будто спасал его от наводнения.

— Нет! — выкрикнул он.

Чернила в штемпельных подушках вспухли маленькими
синими волнами.

Мирена замолчала. Вот почему она пришла лично. Пись-

мо от наследницы сочли бы указанием. Секретаря — посланником власти. Даже её попытка отказаться превращалась в распоряжение, потому что люди слышали титул прежде смысла.

Клевир вытер лоб платком.

— Прошу пройти в комнату ожидания. Я вызову начальника Династического стола.

— У вас есть Династический стол, но династия не ведомство?

— Стол занимается продолжением, а не прекращением.

— Разумеется.

Комната ожидания оказалась маленькой гостиной за ширмой. Там стояли кресло, чайник и портрет прабабки Мирены, которая правила сорок один год и, судя по выражению лица, ни разу не ждала разрешения. Мирена осталась стоять. Если сесть в кресло для высочайших посетителей, даже ожидание станет церемонией.

За ширмой зал ожил. Люди шептались уже без попытки скрыться.

— Она правда сказала «увольняюсь»?

— Принцесс не нанимают.

— А кормят за чей счёт?

— Тише ты.

Мирена достала из кармана маленькие часы. В одиннадцать она должна была принимать делегацию из Верхних мельниц и благодарить их за муку, которую казна купила

по установленной цене. В полдень — примерять серебряное платье для Зимнего бала. В два — улыбаться художнику, заканчивавшему официальный портрет. В четыре — слушать доклад о трёх принцах, признанных подходящими для династического союза.

Последняя обязанность и привела её сюда, хотя она не была самой тяжёлой. Тяжёлое редко ломает человека сразу. Гораздо надёжнее это делает бесконечное повторение того, что его жизнь уже распределена.

Ширма отодвинулась. Вошёл барон Терен Воль, начальник Династического стола, а за ним — двое писцов. Барон носил на цепочке семь ключей от семи шкафов с родословными. При ходьбе ключи позванивали, будто предупреждали предков.

— Мирена, — сказал он с ласковой укоризной старшего родственника, которым не являлся. — Господин Клевир сообщил о недоразумении.

— Если он уже сообщил, недоразумение зарегистрировано?

Барон улыбнулся писцам. Те не улыбнулись в ответ.

— Ваше положение возникает не из договора. Оно возникает из рождения.

— Должность лекаря тоже иногда наследуют в семье. Это не мешает лекарю закрыть практику.

— Корона — не практика.

— Тогда почему вы говорите об исполнении обязанно-

стей?

— Потому что высокий статус предполагает высокую ответственность.

— Ответственность перед кем?

— Перед подданными.

— Они давали согласие на моё назначение?

Барон перестал улыбаться.

— Их согласие выражено верностью короне.

— Верностью моей матери. Я ещё не корона.

— Вы её продолжение.

Слова легли на плечи Мирены знакомой тяжестью. Продолжение. Не человек после другого человека, а мост между портретами. В детстве ей нравилась мысль, что за спиной стоят поколения. Позднее она поняла: они стоят не за спиной, а в дверях.

— Именно это я прекращаю, — сказала она.

Золотой звон прошёл по комнате. Прабабка на портрете будто стала смотреть внимательнее.

Барон повернулся к писцам.

— Оставьте нас.

— Нет, — сказала Мирена.

Писцы остановились.

— Вопрос касается династии, — процедил барон.

— Вопрос касается принятия документа государственным служащим. Свидетели останутся.

Её голос снова принудил воздух. Писцы, уже сделавшие

шаг к двери, вернулись на прежнее место с одинаковым выражением ужаса.

Мирена ощутила стыд. Она защищала их право быть свидетелями, отняв право уйти. Магия не интересовалась тонкими различиями.

— Простите, — сказала она им. — Вы сами решите, оставаться ли.

Один писец вышел немедленно. Вторая, молодая женщина с коротко стриженными волосами, осталась и раскрыла блокнот.

Барон заметил это.

— За стеной собрались просители. Не стоит превращать личное в зрелище.

— Личное решение стало бы зрелищем на ближайшем балу, где меня собираются показать трём возможным мужьям.

— Это переговоры.

— На переговорах обе стороны могут не прийти.

— Вы можете отклонить каждого кандидата.

— Пока не останется тот, кого я не отклоню?

Барон вздохнул, как человек, вынужденный объяснять устройство дождя.

— Свобода выбора наследницы осуществляется внутри интересов королевства.

— Значит, это выбор королевства моими руками.

Перо писца быстро закрипело.

Барон подошёл к столу, просмотрел заявление и указал на

последнюю страницу.

— Здесь нет подписи королевы.

— Потому что увольняется не королева.

— Отречение наследника действительно только после принятия монархом и Советом короны.

— Покажите статью.

— Это обычай.

— Обычай — не строка для второй подписи.

— Обычай старше любой строки.

— И удобнее. Его нельзя предъявить, зато им можно отказать.

За ширмой кто-то негромко сказал: «Верно». Золотые узоры под потолком вспыхнули ярче.

Барон тоже услышал.

— Вы расшатываете доверие к порядку.

— Порядок, который расшатывает один лист бумаги, держался на молчании.

Теперь откликнулись несколько голосов. Мирена различила одобрение, испуг, чей-то нервный смех. Каждая реакция связывала её с ролью крепче. Королевская магия раскрылась в груди горячей решёткой. Она могла сейчас приказывать Клевиру проштамповать заявление. Могла велеть барону назвать статью, которой не было. Могла заставить весь зал признать её уход — и тем самым доказать, что наследница даже свободу получает приказом.

Барон протянул ей бумаги.

— Возвращайтесь во дворец. После бала вы поблагодарите себя за то, что мы не зарегистрировали минутную слабость.

Мирена не взяла свёрток.

— Я готовила заявление три недели.

— Три недели — минута для династии.

— А тридцать лет?

— Подготовка.

Вот оно. Вся её жизнь до сегодняшнего утра была не жизнью, а прихожей к настоящему назначению. Уроки языков — чтобы принимать послов. Танцы — чтобы выбирать союзника. Благотворительные поездки — чтобы народ заранее привык к лицу будущей королевы. Даже дружбу с Тавией во дворце называли полезным знакомством с городскими условиями.

Мирена взяла первый лист и вышла из-за ширмы.

Зал снова замолчал. Десятки лиц повернулись к ней: раздражённые ожиданием, любопытные, усталые. Здесь были люди, пришедшие просить разрешение перестроить печь, подтвердить смерть русалки, оспорить налог на зачарованную репу. У каждого существовал хотя бы вид документа. У наследницы не было даже отказа — только предложение вернуться домой и одуматься.

Клевир поднялся.

— Ваше высочество, мы подготовим разъяснение.

— Когда?

— В установленный срок.

— Какой срок установлен для заявления, которого не существует?

Он промолчал.

Мирена посмотрела на собственную подпись. Чёткие буквы, которым наставник по чистописанию когда-то предсказал место под указами. Она вдруг поняла: регистрационный номер ей нужен не затем, чтобы двор разрешил уйти. Он нужен, чтобы двор не смог сказать, будто она никогда не пыталась.

Но зал уже был свидетелем.

Она поднялась на низкую ступень перед фонтаном. Барон шагнул следом.

— Не смейте, — прошептал он.

Впервые за утро это был честный приказ: не от закона, не от обычая — от испуганного человека.

— Запишите, пожалуйста, — сказала Мирена оставшейся пикистке.

Та кивнула.

Мирена обвела взглядом зал.

— Меня зовут Мирена Латорская. Мне тридцать лет. С рождения меня называют наследной принцессой и исполняющей будущую власть. Сегодня канцелярия сообщила, что документа для прекращения этой роли не существует.

Золото на потолке стекло к центру. Воздух загудел. Титул ожидал, что она подтвердит его перед свидетелями.

— Поэтому я заявляю без формы и номера: я больше не исполняю обязанности наследницы. Я не принимаю содержание, не участвую в выборе династического брака, не говорю от имени короны и не требую повиновения. С первого числа следующего месяца моё место считается свободным.

На слове «свободным» магия сомкнулась вокруг её горла.

Мирена ожидала боли. Боли не было. Было ощущение, будто невидимая рука вынула из её голоса одну ноту — ту, на которую открывались двери и сгибались чужие спины.

Золотые линии мигнули и погасли.

Фонтан умолк. Где-то в глубине дворца ударил колокол, хотя до полудня оставалось двадцать три минуты.

— Приказываю всем сохранять спокойствие! — крикнул барон.

Его голос остался просто голосом.

Мирена же сказала:

— Вы можете не вставать.

Никто не встал. Никто не поклонился. Женщина с ребёнком смотрела на неё прямо, без почтительного ужаса. Старик с клеткой присел на скамью и пробормотал:

— Наконец-то.

Мирена должна была почувствовать облегчение. Вместо него пришла пустота — прохладная, точная, размером с целую жизнь. Она открыла рот и попробовала произнести формулу, которой начинала сотни церемоний:

— Мы, наследная...

Слова вышли тихими. Не слабыми — её собственными. Зал не отозвался.

Барон побледнел сильнее Клевира.

— Что вы сделали?

— Уволилась.

— Это невозможно.

— Тогда вам будет нетрудно отменить последствия.

Он схватил заявление, словно теперь бумага могла подсказать, куда делась власть. По краю первого листа проступила золотая надпись. Не входящий номер. Свидетельская отметка магии:

«Роль отвергнута публично. Порядок прекращения не определён».

Писчица подошла ближе и прочитала вслух. После последних слов очередь заговорила разом.

— Значит, можно отвергнуть роль?

— А что будет с жалованьем?

— Если порядка нет, почему нас заставляют?

— Моя дочь обещала фее служить до свадьбы...

Клевир ударил ладонью по столу, но зал его уже не слушал. Люди сравнивали свои бумаги, обещания, обязанности. Как будто один несуществующий документ внезапно обнаружил множество других.

Мирена спустилась со ступени. Колени дрожали, и это раздражало: в наставлениях для принцесс было двенадцать способов достойно покинуть зал, но ни одного — для жен-

щины, которая перестала ею быть.

У дверей Олвен снова вытянулся. Потом вспомнил случившееся и неловко опустил руку, начавшую салют.

— Как теперь обращаться?

— Мирена.

— Просто Мирена?

Она подумала. «Просто» прозвучало не уменьшением, а пространством.

— Да.

На дворцовой площади уже останавливались прохожие. Колокол продолжал бить неправильное время. Из окон канцелярии вылетели бумажные вестники — белые птицы с казёнными печатями. Одна пронеслась над головой Мирены в сторону казначейства, другая — к башне Совета, третья — к покоям королевы.

Новость двигалась быстрее неё.

На нижней ступени сидела девушка в стоптанных туфлях и держала на коленях связку маленьких башмачков. Мирена заметила её ещё в очереди. Девушка поднялась, но не поклонилась.

— Госпожа Мирена, — сказала она. — Если вы найдёте форму...

— Для увольнения принцессы?

— Для увольнения вообще. Мне она тоже понадобится.

Барон позвал Мирену из дверей. Стражники спорили, обязаны ли они её задержать. Бумажные птицы множились

над крышей, и на каждой золотом горели слова о неопределённом порядке.

Мирена посмотрела на башмачки. На пальцах девушки блестела серебряная пыль — след фейского благословения, слишком дорогого, чтобы быть подарком.

— Как вас зовут?

— Яра Сен.

— Оставьте мне адрес, Яра.

— У вас есть контора?

У Мирены не было конторы, дохода, дома вне дворца и формы для собственного увольнения. Зато впервые у неё появилось дело, которое никто не назначал.

— Будет, — сказала она.

И пошла вниз по лестнице, пока дворец за её спиной пытался решить, имеет ли право выпустить человека, которого уже не умел удерживать.

Глава 2. Выходное пособие драконом

> Из предварительного расчёта при прекращении династического обеспечения: «Спасение от огнедышащего лица — одна услуга, включая подачу коня, заточку меча и торжественное возвращение спасённой».

Первым имуществом, которое Мирена приобрела после увольнения, оказался бумажный пакет с двумя булочками.

Она купила их на углу Дворцовой площади и тут же обнаружила, что не знает, сколько булочки стоят. Тридцать лет монеты рядом с ней возникали в чужих руках: камеристка платила торговцу, управляющий — портному, казначей — конюшне. Цена появлялась в отчётах, которые Мирена утверждала церемониальным кивком, но никогда не касалась её ладони.

— Два медяка, — повторил булочник без раздражения. Он узнал её и очень старательно сделал вид, что нет. — За обе.

В кошельке, который она утром взяла из письменного стола, лежали золотые короны. Мирена высыпала одну на прилавок.

Булочник посмотрел на монету, потом на неё.

— Сдачи не будет до следующего урожая.

— Тогда я вернусь позже.

— Булочки?

— Деньги.

Она оставила покупку на прилавке, но булочник догнал её и сунул пакет в руки.

— Заплатите, когда заведёте мелочь. Только расписку не давайте. Сегодня в городе и без того слишком много бумаг.

Так у Мирены появился первый долг, выбранный добровольно и понятный до последнего медяка. Это почти утешало.

На другом конце площади её ждала карета казначейства. Серая, без герба, с медной пластиной на двери: «Отдел возвратов и прекращённых жалований». Рядом стояла женщина в тёмно-зелёном дорожном платье. Серебряная лента трижды обвивала её левое запястье; на ленте двигались крошечные цифры, складываясь и вычитаясь без участия хозяйки.

Женщина была выше Мирены, лет тридцати с небольшим, с прямой спиной человека, которому редко предлагают удобный стул. Она не поклонилась.

— Госпожа Мирена Латорская?

После вопроса не последовало ни «высочество», ни заминки. Мирена неожиданно для себя улыбнулась.

— Да.

— Элиана Весс, старшая финансистка Палаты казны. Уполномочена провести предварительный расчёт ваших

обязательств перед короной.

Она раскрыла кожаное удостоверение. На внутренней стороне блеснули печать казначейства, имя, срок полномочий и перечень действий: получать объяснения, сверять имущество, предъявлять расчёт. Слов «задерживать» и «принуждать» там не было.

Мирена прочитала дважды.

— Вы всем показываете полный список полномочий?

— Всем, кто читает до конца.

— И многие читают?

— Нет. Поэтому я ценю редкие случаи.

Элиана убрала удостоверение и протянула тонкую папку, перевязанную красной нитью.

— Это не окончательное требование. У вас есть семь дней на замечания до передачи расчёта в Совет казны.

— Быстро.

— Ваш отказ был публичным. Магическая отметка поступила во все ведомства одновременно. Мы не могли сделать вид, что уведомление потерялось.

Голос Элианы оставался ровным, но угол её рта чуть дрогнул. Мирена не поняла, была ли это насмешка над казначейством или над человеком, сумевшим разослать заявление колоколом.

Она развязала нить.

На первой странице стояла сумма, для которой обычному человеку понадобилось бы несколько жизней и очень успеш-

ная торговля зерном. Серебряная лента на запястье Элианы отразила число и спокойно побежала дальше.

— За что именно я должна короне небольшой город?

— Не город. Примерно две с половиной городские улицы с доходными домами.

— Благодарю. Теперь мне значительно легче.

— Я предпочитаю измеримые бедствия.

Мирена перелистнула страницу. «Содержание наследницы с рождения до прекращения роли». Под ним шли строки: комнаты, отопление, обучение, охрана, питание, парадная одежда, поездки, придворный штат. У каждого расхода имелись дата, основание и коэффициент династической значимости.

— Мне выставили счёт за детскую комнату.

— За три комнаты. Спальня, учебная и зимняя игровая.

— Зимнюю игровую закрыли, когда мне было восемь.

— После этого там хранили ваши праздничные подарки. Помещение продолжало обслуживать династическую роль.

— Подарки тоже в счёте?

— На следующей странице.

Мирена нашла серебряную лошадку, подаренную посольством на её десятый день рождения, шкатулку с музыкальным драконом и сорок семь букетов, вручённых во время совершеннолетия. Букеты оценили вместе с утилизацией увядших стеблей.

— Если это подарки, почему я за них плачу?

— Казна считает, что вы получили представительскую пользу.

— Десятилетний ребёнок получил пользу от серебряной лошади, которую немедленно заперли в витрине?

Элиана посмотрела на строку.

— Я отметила возражение о невозможности личного использования.

— Уже?

— Я составляла предварительный расчёт ночью. Некоторые статьи вызывают вопросы даже у финансиста казны.

Это была первая щель в безупречной ровности её голоса. Мирена подняла взгляд. Элиана смотрела не сочувственно — сочувствие позволило бы ей остаться снаружи задачи. Она смотрела внимательно.

— Почему расчёт составляли вы?

— Я веду прекращённые пожалования.

— Часто увольняются принцессы?

— Вы первая. Но придворные лишаются должностей регулярно. Обычно они спорят о земле, экипажах и праве носить форменный цвет. Вы отказались от всего сразу и создали новый вид дела.

— Поздравляю нас обеих.

— Я пока не решила, уместны ли поздравления.

Из дворца выбежал лакей, увидел Мирену и остановился так резко, что серебряный поднос в его руках зазвенел. Он явно нёс записку. Потом заметил Элиану, серую карету

и папку с красной нитью — и отступил под арку. Двор уже учился разговаривать с бывшей наследницей через ведомства.

Мирена перевернула ещё несколько страниц.

— Платье к Зимнему балу. Я его даже не примерила.

— Материал раскроен по вашим меркам.

— Продайте его.

— Казначейство не торгует незаконченными платьями.

— Зато успешно торгует незаконченными жизнями.

Серебряные цифры на ленте Элианы сбились, исчезли и возникли снова.

— Эту формулировку я не могу внести в расчёт, — сказала она.

— Жаль.

— Но могу внести предложение о реализации материала. За вычетом работы портных.

— Работы, которую они уже выполнили?

— Именно.

Мирена задержала палец на строке. Портнихи провели над платьем пять недель. Она видела их лишь однажды, когда главная закройщица опустилась на колени, чтобы поправить подол. Мирена тогда обсуждала с бароном Водем список женихов и даже не спросила имя женщины.

— Им заплатили?

— Согласно ведомости.

— Покажите ведомость.

— Она во дворце.

— Тогда пойдёмте во дворец.

Элиана впервые улыбнулась — коротко, почти строго.

— Вы только что оттуда уволились.

— Я уволилась из династии, а не из способности входить в архив.

— Способность входить в архив была частью династического доступа.

— Тогда вы принесёте ведомость сюда.

— Могу предоставить заверенную копию завтра.

— Договорились.

Слово прозвучало непривычно. Не приказ и не обещание от имени будущей короны — соглашение двух людей с разными обязанностями. Золото в воздухе не отозвалось. Мирене это понравилось сильнее, чем следовало.

В середине папки красная закладка отмечала самый крупный расход.

«Спасение наследницы от дракона Ревальда, включая чрезвычайный сбор дружины, премию спасителю, восстановление северной башни и компенсацию дракону за досрочное прекращение испытания».

Мирена перечитала строку.

— Компенсацию дракону?

— По договору он должен был удерживать вас трое суток. Принц Арвет прибыл через четырнадцать часов. Представление пришлось завершить раньше срока.

— Представление.

Элиана замолчала.

Мирене было девятнадцать. Она помнила северную башню, запах копоти, цепь на двери и дракона, который извивался всякий раз, когда чихал пламенем. Помнила Арвета в белом плаще, толпу у ворот и балладу, написанную к вечеру. Ей объяснили, что похищение оказалось настоящим, хотя предусмотрительность двора позволила быстро организовать спасение. Потом мать три месяца запрещала ей выходить без двойной охраны.

— Вы хотите сказать, корона наняла Ревальда?

— Я хочу сказать, что в казне есть договор с исполнителем зрелищных угроз.

— Я была прикована к стене.

— В договоре указаны театральные цепи.

— На них была настоящая печать.

— Магическая?

— Да.

Элиана сняла с пояса карандаш и сделала помету на полях своего экземпляра.

— Тогда услуга оказана с отступлением от условий. Это основание оспорить платёж исполнителю.

— Платёж исполнителю уже сделали семнадцать лет назад.

— Одиннадцать.

— Тем более. Я плохо считаю, когда узнаю, что моё похи-

щение проходило по статье придворных развлечений.

— По статье воспитательных испытаний, — поправила Элиана и тут же добавила: — Это не делает обстоятельства лучше.

Мирена закрыла папку. Площадь была той же: голуби дрались за крошки, экипажи объезжали фонтан, торговцы звали покупателей. Только её прошлое превратилось в книгу расходов, и каждая страшная или торжественная сцена получила цену. Оказывается, башня пахла копотью по смете. Страх оплачивался из казны. Затем казна выставляла его ей как благо.

— Я не просила меня похищать.

— Это существенное возражение.

— Только существенное?

— В рамках расчёта — да. В остальных рамках у меня нет полномочий говорить от имени короны.

Элиана снова показала удостоверение, словно граница полномочий была не щитом, а правилом, которому она подчинялась сама.

— А от собственного имени?

Женщина посмотрела прямо на Мирену.

— От собственного имени: ребёнок не должен оплачивать испытание, устроенное взрослыми без его согласия.

Мирена вдохнула. Простая фраза ударила сильнее разоблачения. Во дворце никто никогда не называл случившееся выбором взрослых. Говорили о традиции, опасности, слав-

ном спасении и выдержке наследницы.

— Мне было девятнадцать.

— Возраст не превращает чужой замысел в ваш.

Между ними на миг исчезли папка, карета и дворец. Осталась женщина, которая умела отделить запись в книге от человека, записанного как расход.

Элиана первой вернула расстояние.

— Продолжим?

— Обязательно.

Они перешли к следующему разделу, стоя у парапета фонтана. Мирена ела остывшую булочку и училась собственному бюджету. Золотая корона в её кошельке больше не казалась деньгами — скорее маленькой дверью, для которой у неё пока не было подходящего ключа.

Расчёт включал уроки верховой езды, лечение после падения, корм лошади, жалованье наставника и даже стоимость песка, которым посыпали манеж. Затем — дипломатические поездки, охрану, подарки послам. Потом — «обеспечение исполнения представительских обязанностей».

Таблица занимала четыре страницы. В первом столбце стояли события: открытие моста, приём гильдий, посещение больницы, траурная церемония, праздник урожая. Во втором — часы. В третьем — ставка.

Мирена провела ногтем по строкам.

— Что это?

— Расчёт стоимости вашего присутствия.

— Моего содержания?

— Нет. Присутствия. Здесь применена ставка младшего церемониального представителя с династическим коэффициентом.

— Почему ставка?

— Чтобы распределить расходы между ведомствами. Если вы открывали мост, дорожная палата возмещала Дворцовому управлению стоимость вашего времени.

— Возмещала кому?

— Управлению.

— А управление платило мне?

Элиана взглянула на таблицу, потом на предыдущую страницу. Серебряная лента замерла.

— В ведомости личных выплат таких сумм нет.

— Значит, моё время продавали ведомствам.

— Внутренний учёт не обязательно означает продажу.

— Для долга он означает цену. Казна утверждает, что это благо, полученное мной. Но здесь написано обратное: благо получал тот, кто заказывал моё присутствие.

Она нашла итоговую сумму. За одиннадцать лет официальных обязанностей набегало достаточно, чтобы покрыть почти треть предъявленного долга.

— Если это стоимость моей работы, где моё жалованье?

Элиана взяла папку. Теперь она читала не как человек, знающий каждую строку, а как человек, впервые увидевший между строками другую книгу.

— Дворцовое управление считало содержание формой встречного предоставления.

— Тогда оно не может одновременно быть долгом. Либо комнаты и платья были оплатой за работу, либо займом, который я обязана вернуть. Одно и то же нельзя выдать за жалование, а потом взыскать как расход.

Цифры на серебряной ленте рванулись так быстро, что слились в светлую полосу. Элиана прижала к ним два пальца. Когда движение остановилось, на металле остались два столбца: «предоставлено» и «начислено». Между ними горел знак неравенства.

— Мне понадобится полная книга внутренних переводов,
— сказала она.

— Мне тоже.

— Доступ к ней имеют сотрудники казны.

— Тогда запросите её как сотрудница казны.

— Вы быстро осваиваете распоряжение чужими полномочиями.

Мирена уже собиралась ответить, но остановилась. Прежний голос ушёл, привычка осталась.

— Вы правы. Я могу только попросить включить книгу в проверку. Решение ваше.

Элиана изучала её несколько секунд.

— Решение моё, — повторила она. — И я включу.

Она достала официальный бланк, положила его на крышку кареты и написала запрос. Серебряная лента отпечата

внизу время. Мирена следила, как появляется каждая строка: основание проверки, перечень документов, срок представления. Никакой магии титула — только действие человека, отвечающего за свою подпись.

Из-под арки снова показался лакей. На этот раз с ним шёл барон Воль.

— Госпожа Весс! — крикнул он. — Совет требует немедленно доставить бывшую наследницу во дворец.

Элиана закончила последнюю букву, промокнула чернила и лишь затем повернулась.

— Моё удостоверение не даёт права доставлять людей.

— Это распоряжение Совета.

— Тогда у вас должен быть исполнитель с соответствующими полномочиями.

Барон перевёл взгляд на Мирену.

— Ваша мать ждёт.

— Моя мать умеет посылать приглашения.

— Вы обязаны объяснить последствия.

— Последствия уже объясняет казначейство. Очень подробно. Особенно дракона.

Барон увидел открытую страницу и побледнел.

— Это внутренние сведения.

— Они включены в мой долг, — сказала Мирена. — Значит, они уже достаточно внешние, чтобы я их оплатила.

— Госпожа Весс, закройте расчёт.

Элиана положила ладонь на папку.

— На каком основании?

— В интересах короны.

— Это не основание из моего удостоверения.

Серебряная лента спокойно показывала время. Барон привык, что чиновник боится его близости к трону. Но Элиана, похоже, боялась только неточной записи.

— Вы понимаете, с кем говорите?

— С начальником Династического стола, который не руководит Палатой казны.

Мирена опустила взгляд, скрывая улыбку. Её влекло не дружелюбие Элианы — его пока не было. Влекла ясность границы: здесь заканчивается ваше право требовать, здесь начинается моё решение. Никто во дворце не преподавал такой географии.

Барон понизил голос:

— Королева не забудет услугу.

— Тогда оформите её заказом и укажите источник оплаты.

— Невыносимая женщина.

— Это не служебное взыскание, поэтому я не обязана его учитывать.

Барон ушёл под арку, уводя лакея. Элиана посмотрела ему вслед без торжества.

— Теперь получение внутренней книги займёт дольше.

— Из-за меня?

— Из-за его желания доказать, что архивная дверь тяже-

лее арифметики.

Она отделила от папки копию расчёта и вручила Мирене.

— Семь дней. До истечения срока взыскание не начинается. Ничего не подписывайте без сверки приложений. Если вам предложат признать сумму в обмен на отсрочку, это всё равно признание суммы.

— Вы консультируете должника против казны?

— Я сообщаю процедуру, которую обязана сообщить. Не приписывайте мне мятеж раньше времени.

— Постараюсь.

— И ещё. Сегодня двор может прекратить ваше содержание. Где вы будете ночевать?

Вопрос был деловым. Мирена всё равно ощутила его слишком близко.

— У подруги.

Тавия пока об этом не знала. Но у Тавии была булочная, две комнаты над ней и давняя привычка называть дворцовую чепуху чепухой. Если кто-то и мог принять бывшую принцессу вместе с неожиданным долгом, то она.

Элиана кивнула.

— Адрес для доставки копий?

— Булочная «Тёплая корка», улица Медников, сорок пять.

— Я знаю её.

— Покупаете там хлеб?

— Веду их налоговую сверку. У госпожи Орн образцовые

книги и ужасный почерк.

— Она утверждает обратное.

— Насчёт книг или почерка?

— Насчёт вас.

Элиана рассмеялась. Один раз, негромко, как будто смех тоже следовало внести в расходную ведомость и заранее проверить основание. Потом снова стала серьёзной.

— Завтра я доставлю копии. Послезавтра начну опись имущества, если Совет утвердит расчётный порядок.

— У меня нет имущества.

— У вас золотая корона в кошельке, одежда на вас и, возможно, личные вещи во дворце. Не заставляйте меня считать булочки.

Мирена подняла пакет.

— Одна осталась. И за неё я должна два медяка.

— Тогда она обременена встречным требованием и малоинтересна казне.

— Это самое доброе, что вы сказали за весь разговор.

— Я не стремилась быть доброй.

— Я заметила.

Элиана села в карету. Перед тем как закрыть дверь, она задержала взгляд на папке в руках Мирены.

— Вы действительно собираетесь оспаривать весь расчёт?

— Нет. Только ту его часть, которая неправдива.

— Это может оказаться весь расчёт.

— Тогда у нас много работы.

Карета тронулась. Серебряные цифры на запястье Элианы вспыхнули в окне и исчезли за поворотом.

Мирена осталась посреди площади с долгом размером в две с половиной улицы и доказательством, что одиннадцать лет её жизни имели ставку. Страх никуда не делся. Но теперь у него были столбцы, приложения и срок для возражений.

Из дворца ударил полуденный колокол. В прежней жизни Мирена в эту минуту должна была примерять серебряное платье. В новой ей предстояло попросить у подруги комнату, разменять золотую монету и найти Яру Сен.

Она раскрыла расчёт на чистой оборотной стороне и написала три строки:

«Помещение.

Клиентка.

Учёт труда».

Потом добавила четвёртую:

«Дракон — свидетель».

Список выглядел не как последствия увольнения. Он выглядел как первый рабочий день.

Глава 3. Бюро на втором этаже

К вечеру золотая корона успела трижды сменить назначение.

Сначала она была последними деньгами бывшей наследницы. Потом — залогом за комнату. Наконец, когда Мирена положила монету на прилавок булочной «Тёплая корка», Тавия Орн объявила её угрозой общественному порядку.

— Убери, — сказала она.

— Мне нужно жильё.

— Жильё у меня есть. Сдачи с короны у меня нет.

За спиной Тавии остывали ржаные караваи. Булочная уже закрылась, но воздух всё ещё был тёплым от печей и густым от запаха тмина. Мирена не ела со второй булочки у дворцовой площади и теперь подозревала, что способна отдать наследственное право за тарелку похлёбки. К счастью, наследственное право в кошельке не помещалось.

— Это обычная монета, — сказала она.

— На ней лицо твоей матери.

— На половине денег Латории лицо моей матери.

— Поэтому половину денег Латории я принимаю с раздражением. Но эта отчеканена к твоему совершеннолетию. Если я пущу её в оборот, завтра ко мне придут коллекционеры, послезавтра — стража, а через неделю барды сочинят песню о том, как я купила принцессу за восемьдесят семь

булок.

— Бывшую принцессу.

— Тогда за шестьдесят. Уценка за самостоятельность.

Тавия взяла монету двумя пальцами, осмотрела и вернула. Она почти не изменилась с тех времён, когда они тайком бегали на кухню после уроков придворного танца: те же сильные руки, тёмные волосы, собранные карандашом, и выражение человека, которому мир опять подал плохо замешенное тесто. Только теперь на её переднике белела мука, а на большом пальце был ожог, которого Мирена не помнила.

— Рассказывай, — велела Тавия. — По порядку и без королевских сокращений.

Мирена рассказала. О заявлении, которого не существовало. О погасшем голосе. О долге, постановочном драконе и ставке за присутствие наследницы на открытии мостов. Тавия слушала молча, нарезаая оставшийся хлеб на сухари. Лишь на словах о компенсации дракону нож замер.

— Ты говорила, он извинялся, когда чихал.

— Я думала, это от хорошего воспитания.

— Видимо, за хорошее воспитание ему доплачивали.

Когда рассказ дошёл до Элианы Весс, Тавия положила нож.

— Высокая, серый плащ, смотрит на цифру, пока та не признается?

— Очень точное описание.

— Она проверяет мои книги третий год. Однажды нашла

расхождение в два медяка.

— И взыскала?

— Доплатила сама. Ошибка была казначейская, а закрывать сверку требовалось в тот день. Наутро принесла акт и забрала свои два медяка обратно.

Это было так похоже на Элиану, что Мирена улыбнулась. Тавия заметила.

— Не начинай.

— Что?

— Вот это выражение. Сначала человек лишается дворца, потом ему улыбается красивая взыскательница, и он принимает финансовую угрозу за сюжетное поощрение.

— Она мне не улыбалась. Почти.

— Тем более опасно.

— Я пришла просить комнату, а не разбор личной жизни.

— Личной жизни у тебя пока нет. Есть долг и подозрительно живой интерес к служащей, которая будет описывать твои чулки.

— Она сказала, что не станет считать булочки.

— Прекрасная основа доверия.

Тавия обошла прилавок и обняла её. Без поклона, без вопроса, можно ли прикасаться к члену династии, без церемониальной паузы. Мирена уткнулась носом в муку на её плече и поняла, что весь день держалась именно ради этой минуты — чтобы хотя бы одному человеку не объяснять, кем она стала.

— Комната твоя, — сказала Тавия. — Маленькая, над складом. Кровать скрипит, окно заедает, утром тебя будят противни.

— Сколько?

— Шесть серебряных в неделю.

Мирена отстранилась.

— Я заплачу.

— Когда сможешь.

— Нет. С первого дня будет договор.

— Мирена, я не собираюсь брать с тебя последние деньги.

— А я не собираюсь превращать дружбу в неоплаченный труд.

Фраза прозвучала резче, чем она хотела. Тавия прищурилась, потом кивнула на стол у стены.

— Бумага в нижнем ящике. Чернила рядом. Раз уж тебя уволили из семьи, добро пожаловать в арендаторы.

Они составили договор на одной странице. Тавия предоставляла комнату, ужин и право пользоваться умывальником до начала выпечки. Мирена платила шесть серебряных в неделю, а до появления дохода задолженность не росла и не превращалась в услугу, которую можно потребовать вернуть иначе. Последнюю фразу Тавия настояла записать дважды — обычными словами и канцелярскими.

— Я видела, что обещания делают с людьми, — сказала она. — Пиши так, чтобы даже фея поняла.

При слове «обещания» золотая пыль на краю листа дрог-

нула. Магия попробовала на вкус условия, нашла обязанность и встречное благо, но не обнаружила публичного признания. Договор остался просто договором.

— Нужен свидетель? — спросила Мирена.

— Для аренды — нет. Для твоего спокойствия — завтра позовём соседку. Сегодня тебе нужен суп.

После супа Тавия повела её наверх. Лестница начиналась за дверью у печи, круто поворачивала и упиралась в площадку с двумя комнатами. Левая действительно была маленькой: кровать, сундук, таз и окно, из которого виднелась крыша красильни. Правая оказалась просторнее, но была заставлена сломанными стульями, пустыми мешками и деревянными формами для праздничных пряников.

— Здесь раньше жил мой дядя, — сказала Тавия. — Потом решил, что море полезнее для его призвания, чем бухгалтерия булочной.

— Какое у него призвание?

— Он выясняет. Пишет раз в год, каждый раз из другого порта и с новым ответом.

Мирена отодвинула мешок. Под ним обнаружился стол с целой столешницей.

— А эту комнату ты сдаёшь?

— Я храню здесь всё, что однажды непременно починю.

— Мне нужна контора.

— Тебе нужна ночь сна.

— И контора утром.

Тавия опёрлась о дверной косяк.

— Ты серьёзно решила заниматься чужими договорами после одного дня собственного увольнения?

— Именно поэтому. Если я подожду, пока сначала разберусь со своей жизнью, мне снова назначат жизнь, в которой на чужую не останется времени.

— Ты не юристка.

— В Латории нет юристов по прекращению сказочных ролей. Есть толкователи клятв при дворце, но они объясняют, как исполнять обещания, а не как выходить из них.

— Значит, ты собираешься брать деньги за то, чего не умеешь.

— Нет. Первое дело возьму без оплаты и не обещаю победы. Я умею читать дворцовые формулы, знаю церемониальное право и вижу магию ролей. Остальному придётся учиться.

Тавия взяла деревянную форму в виде лебедя, сдула пыль и чихнула.

— Кто первое дело?

— Башмачница Яра Сен. Вчера она спросила, существует ли заявление для увольнения из собственной судьбы.

— Мастерская у Старых ворот?

— Кажется.

— Она приходила сегодня утром. Оставила свёрток и сказала, что вернётся после закрытия мастерской.

Тавия кивнула на подоконник. Там лежала пара белых ат-

ласных башмачков. На носках блестели стеклянные бусины, подошвы были протёрты до тонкости, а изнутри мерцал голубой свет.

— Почему ты сразу не сказала?

— Хотела понять, попросишь ли ты комнату как подруга или объявишь мою кладовую министерством.

— И каков результат проверки?

— Ты составила договор на суп. Боюсь, министерство неизбежно.

Они начали освобождать комнату. Сломанные стулья спустили во двор, формы сложили в коробки, мешки отдали под растопку. Мирена нашла в углу латунный крючок, выпрямила его камнем и повесила у двери. Тавия принесла две кружки, огарок свечи и счётную книгу с половиной чистых страниц.

— Это не подарок, — предупредила она. — Внеси в расходы.

— Сколько?

— Четыре медяка.

— Здесь бумаги на два.

— Остальное — плата за ужасный почерк прежнего владельца.

На первой чистой странице Мирена написала:

«Помещение — шесть серебряных в неделю.

Счётная книга — четыре медяка.

Свеча — долг булочной один медяк».

— Свеча была почти сгоревшая, — возмутилась Тавия.

— Тогда половина медяка.

— Медяки не режут пополам.

— Значит, я купила следующую свечу заранее.

Тавия усмехнулась и ушла за метлой.

На второй странице Мирена вывела название. Сначала: «Бюро прекращения династических, ремесленных, брачных, пророческих и иных ролевых обязательств». Строка заняла почти весь лист и выглядела как наказание уже за попытку войти.

Она зачеркнула.

«Свободный выбор» звучало красиво, но обещало больше, чем могла дать одна комната над булочной.

«После сказки» было похоже на похоронную контору.

Когда Тавия вернулась, Мирена всё ещё смотрела на пустое место.

— Назови «Не ваше дело», — предложила подруга. — Очень удобно отвечать чиновникам.

— Я хочу, чтобы человек видел вывеску и понимал: ему не предлагают новую жизнь взамен старой. Он сам решает, что оставить.

— Тогда «Своя роль».

Мирена написала эти слова. Они не обещали свободы без цены и не объявляли всякую обязанность насилием. Роль могла быть своей — выбранной, понятой, ограниченной. А могла перестать ею быть.

— Подходит, — сказала она.

— Конечно. С тебя два серебряных за наименование.

— Внесу после первой прибыли.

К приходу Яры на двери висел лист: «Бюро “Своя роль”. Разбор ролевых обязательств. Первый приём без оплаты». Ниже Тавия приписала: «Вход через булочную. Хлеб оплачивается отдельно».

Яра поднялась по лестнице осторожно, будто каждая ступень могла потребовать доказательство её права пройти. На ней было простое коричневое платье и кожаный фартук с карманами для шила, ножа и мела. Вчера у дворца Мирена запомнила только её усталые глаза. Сегодня увидела пальцы: подушечки были исколоты, суставы распухли, на правом запястье голубела тонкая полоса магического ожога.

— Ваше высочество, — начала Яра.

Голос Мирены отозвался пустотой ещё до ответа.

— Мирена. Здесь только Мирена.

— Простите. Я не знала, останется ли...

— Я тоже не знала. Садитесь.

В комнате был один исправный стул. Мирена отдала его клиентке, а сама села на перевёрнутый ящик. Тавия поставила на стол чайник и собралась уйти.

— Оставайтесь, — попросила Яра. — Если можно. Мне нужен свидетель, который не служит дворцу и не работает на фею.

Тавия закрыла дверь и прислонилась к ней.

— Я работаю на хлеб. Он ревнив, но к феям равнодушен. Мирена открыла счётную книгу.

— Я должна начать с границ. Я не знаю, смогу ли прекратить ваш договор. У меня нет признанной должности, и двор, вероятно, объявит мои действия недействительными. Всё, что вы расскажете, останется здесь, если только вы сами не разрешите использовать сведения публично. За сегодняшний разговор платы нет.

— А потом?

— Мы заранее согласуем сумму за конкретную работу. Если я не умею её выполнить, скажу об этом до оплаты.

— Так бывает?

— С этого вечера — да.

Яра положила руки на колени. Голубая полоса на запястье вспыхнула и погасла.

— Моя крёстная — фея Селестра. Когда я родилась, она благословила меня на мастерство. Сказала при всей семье: «Пусть Яра шьёт башмаки для каждого бала, пока в городе есть хоть одна девушка без пары». Родители ответили, что принимают дар и обещают растить меня трудолюбивой.

— Что вы получили от клятвы?

— Я вижу мерку, едва человек входит в мастерскую. Знаю, где будет давить колодка. Могу сшить пару за ночь.

— А обязанность?

— Именно это. Сшить за ночь.

Яра достала из сумки толстую тетрадь. На страницах тес-

нились имена, даты и заказы.

— Днём я делаю обычную обувь. На ней держится мастерская. Но перед каждым балом приходят девушки с приглашениями и без денег. Иногда двадцать, иногда сорок. Как только луна поднимается над колокольной, благословение не даёт мне остановиться. Руки шьют сами, пока последний заказ не готов.

— Заказчицы платят?

— Те, кто может. Остальным фея велела не отказывать. Говорит, счастье не измеряется монетой.

Тавия фыркнула.

— Так обычно говорят люди, чьё счастье измеряет кто-то другой.

— Сколько вы спите перед балами? — спросила Мирена.

— Час. Иногда два. Утром открываю мастерскую, потому что аренду никто не благословил.

— Вы пытались отказаться?

Яра подняла правую руку.

— В прошлом месяце. Сказала клиентке, что больше не принимаю ночные заказы. Нитка обвилась вокруг запястья и затянулась. Чем дольше я стояла, тем сильнее жгло. Я закончила пару — и она отпустила.

Мирена осмотрела ожог, не касаясь кожи.

— Почему вы принесли башмачки?

— Это первый заказ после того отказа. Я хотела выбросить, но они вернулись на рабочий стол. Сожгла — утром

стояли целые. Продала старьёвщику — к полночи снова были у двери.

— Для кого их шили?

— Для Лиссы Крой, дочери красильщика. На осенний бал. Она заплатила за материал, работу обещала отдать после свадьбы.

— Свадьба состоялась?

— Она ушла с бала через десять минут. Сказала, что терпеть не может танцы и пришла только потому, что отец уже купил приглашение. Через месяц открыла лодочную мастерскую с двоюродной сестрой. Очень довольна.

Мирена посмотрела на белые башмачки. Голубой свет внутри мерцал ровно, как терпеливое требование.

— Значит, условие было не «пока заказчица выйдет замуж».

— Нет. Пока в городе есть девушка без пары.

— Таких всегда будет много, — сказала Тавия. — Хотя бы потому, что не всем нужна пара.

— Фея считает иначе, — тихо ответила Яра.

Мирена перелистала тетрадь. За последний год — двести восемьдесят четыре ночные пары. Напротив ста семи не было полной оплаты. Некоторые строки повторялись: одна и та же девушка заказывала башмачки к трём балам, всякий раз надеясь на обещанное чудо.

— Есть письменный договор с феей?

— Только запись в семейной книге и её слова. Но клятву

слышали родители, гости и повитуха.

— Родители живы?

— Мама. Отец умер пять лет назад.

— Фея появляется на каждом балу?

— Она открывает сезон. Завтра в полночь — зимний бал гильдий. У меня тридцать два заказа.

— Уже оплаченных?

— Девять полностью. За одиннадцать внесли материал. Остальные принесла Селестра. Сказала, что добрые дела возвращаются.

— Возвращались?

Яра помолчала.

— Одна клиентка чинит мне крышу со скидкой. Другая присылает яблоки. Большинство не возвращается.

Мирена провела линию посередине чистого листа. Слева написала «дар», справа — «труд».

— Фея дала вам способность. Вы пользуетесь ею и днём?

— Да.

— Она помогает получать доход?

— Помогает. Без неё я была бы хорошей мастерицей, но не лучшей у Старых ворот.

— Вы хотите потерять способность?

Яра резко прижала ладони к фартуку.

— Нет. Я хочу решать, когда работать. И брать плату. Но если это невозможно... если дар уйдёт вместе с обязанностью, я всё равно соглашусь.

Слова прозвучали без колебания. Голубая полоса на запястье стала ярче, а белые башмачки на подоконнике дрогнули носками к Яре.

Мирена вспомнила собственное заявление. Она перечислила всё, от чего отказывалась, и магия забрала голос, которым её учили представлять корону. Дар и обязанность сплелись так тесно, что разрыв вырвал часть её самой.

— Вчера я доказала только одно, — сказала она. — Публичный отказ магия слышит. Но цену назначает по устройству роли, а не по нашей справедливости. Если мы просто потребуем расторгнуть благословение, вы можете лишиться мастерства или получить новую рану.

— Тогда что делать?

Мирена снова посмотрела на два столбца.

— Проверить, что именно удерживает клятву. Фея назвала обязанность: шить. Назвала цель: чтобы девушки могли попасть на бал и найти пару. Но не назвала, что ваш труд бесплатный.

— Она говорит, благословение — и есть плата.

— Один дар за всю жизнь ночей? Возможно. Но клятва должна различать цену способности и цену каждого исполнения. Двор сегодня попытался назвать моё содержание и платой за работу, и долгом одновременно. Я не думаю, что магия любит двойной счёт больше, чем госпожа Весс.

Тавия сняла с полки чистую дощечку и положила рядом с тетрадь.

— Что будем считать?

— Всё. Материал, часы, срочность, еду ночью, лечение рук, заказы без оплаты. И отдельно — доход, который способность Яры принесла обычной мастерской.

— До завтра не успеем, — сказала Яра.

— Успеем начать. А завтра проверим договор действием.

— Каким?

— В полночь вы остановитесь после оплаченных заказов. Яра побледнела.

— Нитка снова затянется.

— Поэтому я буду рядом. Тавия — свидетелем. Нам нужна фраза, которую услышат заказчицы и фея: вы не отказываетесь от мастерства и не нарушаете принятые заказы. Вы прекращаете неоплачиваемую ночную работу до согласования цены.

— А если магия не различит?

Мирена не стала говорить, что различит. Именно такие обещания и превращали чужой риск в красивую речь.

— Тогда я немедленно назову, что с вами происходит, и мы остановим проверку. Если станет опасно, разрежем нить обычным ножом, даже если потеряем дело. Ваше здоровье важнее доказательства.

Яра посмотрела на неё долгим усталым взглядом.

— Вы умеете разрезать волшебную нить?

— Нет.

— А останавливать благословения?

— Пока тоже нет.

— Хорошо, что вы не обещаете победы.

— Это звучит не как согласие.

— Это звучит как первый честный план, который мне предложили.

Она протянула руку над столом. Мирена не пожала её сразу.

— Согласие на проверку можно отозвать в любой момент. Даже в одиннадцать часов пятьдесят девять минут.

— Даже если вы потратите день?

— Мой потраченный день не даёт мне права на ваш следующий.

Яра кивнула, и они пожали руки. В воздухе вспыхнула одна золотая искра, покружилась над их пальцами и исчезла. Никакой клятвы не возникло: они не обещали исход, только порядок действий.

Тавия разлила остывший чай.

— Теперь вопрос, который задаёт всякий уважающий себя деловой человек. Кто за это заплатит?

Мирена посмотрела на свою корону.

— Сегодня — никто. Это первый кейс бюро.

— А завтра тебе понадобятся бумага, еда и хотя бы второй стул.

— Запишу расходы как долг основательницы.

— Основательница уже должна короне столько, что можно купить улицу.

— Две с половиной.

— Тем более нельзя смешивать долги.

Тавия придвинула счётную книгу к себе и под итогом расходов написала: «Вклад Тавии Орн — пользование мебелью и свечами на семь дней. Не является даром, содержанием бывшей принцессы или основанием требовать услуги вне договора».

— Подпиши, — сказала она.

— Это смешная формулировка.

— Зато фея поймёт.

Мирена подписала. Яра добавила подпись свидетеля. Золотая пыль коснулась строки и легла ровно, не связывая ни одну из них.

Снизу хлопнула дверь булочной.

— Закрыто! — крикнула Тавия.

— Палата казны, — ответил женский голос. — Доставка документов.

Тавия посмотрела на Мирену.

— Почти улыбалась, говоришь?

Элиана поднялась на второй этаж с тонкой папкой под мышкой. Серый плащ был влажным от начавшегося дождя, серебряная лента на запястье показывала без четверти девять. Увидев вывеску, она остановилась на последней ступени.

— Быстро.

— У меня семь дней, — сказала Мирена. — Нельзя тра-

тить целый на выбор шрифта.

Элиана вошла, оценила один стул, перевёрнутый ящик, клиентку и раскрытую книгу. Её взгляд задержался на голубом ожоге Яры, но вопросов она не задала.

— Заверенная копия предварительного расчёта и уведомление о завтрашней описи, — сказала она. — Внутреннюю книгу переводов мне пока не выдали.

— Барон нашёл тяжёлую архивную дверь?

— Три двери и совещание о ключах.

Элиана положила папку на стол. Рядом лежал расчёт ночных заказов Яры. Серебряные цифры на ленте дрогнули.

— Вы открыли предприятие?

— Пока бюро.

— Бюро тоже предприятие, если принимает плату.

— Сегодня не принимает.

— Это не освобождает от учёта расходов.

Тавия выразительно постучала ногтем по счётной книге.

— Всё учтено. Даже свеча.

Элиана проверила запись и подняла бровь.

— Следующую свечу нельзя оплачивать заранее без срока поставки.

— Она ещё не знает, какую именно свечу получит, — сказала Тавия. — Это творческий договор.

— Это аванс в один медяк.

— Половину.

— Медяки не режут пополам.

Мирена прикрыла улыбку ладонью. Две женщины посмотрели на неё одинаково неодобрительно.

— Завтра исправлю, — сказала она.

Элиана открыла уведомление и указала строку.

— Опись начнётся в десять. Личные инструменты, необходимые для заработка, предварительно исключены. Помещение принадлежит госпоже Орн и в вашу имущественную массу не входит. Но доход бюро, если появится, подлежит учёту.

— Вы пришли предупредить, что казна заберёт мою первую плату?

— Часть. После признания долга и только в установленной доле. До этого доход фиксируется, но не взыскивается.

Яра тихо спросила:

— Если человек должен короне, ему запрещено помогать другим?

Элиана повернулась к ней.

— Нет. Но он обязан отделять чужие деньги от своих и не скрывать поступления.

— А если корона должна ему?

Мирена почувствовала, как в комнате стало тесно.

Элиана посмотрела на таблицу стоимости ночного труда, потом на ведомость церемониальных часов Мирены.

— Тогда это тоже должно быть записано, — ответила она.

Не оправдание системы. Не дружеский союз. Правило, одинаковое в обе стороны. Мирена поймала себя на том, что

ждала именно этого.

— Госпожа Весс, — сказала она, — как казначейство учитывает благо, предоставленное один раз, если за него требуют работу без срока?

— Зависит от формулы договора.

— Дар мастерства в обмен на обязанность шить по ночам, пока в городе есть незамужние девушки.

Элиана снова взглянула на Яру. Теперь поняла.

— Я не толкователь клятв.

— Я спрашиваю о счёте.

— При отсутствии срока стоимость дара нужно распределить на ожидаемый период пользования. Бессрочная обязанность делает итоговую цену труда неопределимой. Казначейство не приняло бы такой договор как обеспечение: невозможно установить предел требования.

— А если договор уже действует?

— Я бы потребовала отдельного учёта каждого исполнения и периодической сверки встречного предоставления.

Мирена записала почти дословно.

— Это официальное заключение?

— Нет. Общий принцип учёта. Не используйте моё имя в споре без письменного запроса.

— Могу запросить?

— Можете. Ответ может занять месяц.

— У нас есть ночь.

— Тогда вам придётся обойтись арифметикой.

Элиана застегнула плащ. У двери остановилась и достала из внутреннего кармана небольшой футляр.

— Это не подарок, — сказала она, положив его на стол.

Внутри лежали два карандаша, линейка и костяной нож для бумаги.

— Что это?

— Имущество Палаты казны во временное пользование должнику для подготовки возражений. Запись в акте на последней странице.

— Вы носили с собой набор для моей конторы?

— Я принесла его для работы с копиями. Теперь он останется здесь до окончания срока.

Тавия кашлянула так выразительно, что за дверью осыпалась мука.

Мирена провела пальцем по футляру, не касаясь руки Элианы.

— Спасибо.

— Поблагодарите казначейство своевременными возражениями.

— А от собственного имени?

Элиана уже знала этот вопрос и потому ответила быстрее, чем на площади:

— От собственного имени: не проверяйте магический договор на человеке без способа остановить проверку.

— У нас будет нож.

— Обычный нож не всегда режет признанную роль.

— Что режет?

— Точное название встречного блага. Или точное доказательство, что его нет. Но вы этого от меня не слышали.

— Почему?

— Потому что старшая финансистка не должна обучать должника вмешательству в клятвы накануне описи.

— А Элиана Весс?

На этот раз улыбка была несомненной, хотя длилась меньше секунды.

— Элиана Весс советует сначала посчитать.

Она ушла. На лестнице скрипнули ступени, внизу хлопнула дверь, и дождь на мгновение стал слышнее.

Яра смотрела на Мирену поверх чашки.

— Она всегда приносит должникам карандаши?

— Надеюсь, что да.

— Лжёшь, — сказала Тавия.

— В собственном бюро я имею право на одну маленькую надежду.

— Внеси её в отдельный столбец и не путай с доходом.

Они работали до полуночи. Тавия считала стоимость свечей, еды и аренды мастерской. Яра восстанавливала заказы по месяцам. Мирена разделяла дар мастерства, оплаченный труд, неоплаченный труд и последствия для здоровья. Цифры были неполными, но уже к третьему листу стало ясно: даже если оценить благословение феи щедро, Яра выплатила его ночами несколько лет назад. Всё последующее держалось

не на обмене, а на красивой привычке считать её усталость бесплатной.

Перед уходом Яра остановилась у вывески.

— Если завтра ничего не получится, бюро закроется?

— Нет.

— А если вы потеряете дело о своём долге?

— Тоже нет.

— Вы уверены?

Мирена посмотрела на комнату: один стул, ящик, одолженные карандаши, счётная книга с долгом за будущую свечу. Ещё утром вся её уверенность помещалась в титуле. Теперь титула не было, а работа была.

— Я уверена только в следующем действии. Завтра к десяти переживу опись. Потом приду в вашу мастерскую до восхода луны. Мы посчитаем оплаченные заказы, вслух назовём границу и посмотрим, кого защищает благословение — девушек или привычку не платить вам.

Яра кивнула.

— Этого достаточно.

Когда она ушла, Мирена сняла вывеску, чтобы дождь из открытого окна не размочил бумагу. На обороте проступила золотая строчка, которой раньше не было:

«Роль заявлена: защитница выбора. Встречное благо не определено».

Мирена перечитала её дважды.

— Тавия.

Подруга заглянула через плечо.

— Это хорошо или плохо?

— Это предупреждение. Я публично назвала работу, но не сказала, что получу взамен.

— Получишь шесть серебряных долга за комнату каждую неделю.

— Магии этого мало.

— Жадная.

Мирена положила лист на стол рядом с башмачками. Голубой свет на их подошвах тянулся к золотой надписи, но не касался её.

Вчера она вышла из роли, для которой порядок прекращения не существовал. Сегодня едва не вошла в другую, не определив цену. Разница была в том, что теперь предупреждение лежало перед ней, а не пряталось в чужой книге.

Она взяла карандаш Элианы и под магической строкой написала обычными буквами:

«Бюро не обещает спасения. Бюро помогает человеку называть собственный выбор и цену чужого требования».

Золото померкло, словно приняло формулировку к сведению.

Снизу Тавия позвала закрывать ставни. Мирена убрала счётную книгу в ящик, проверила свечу и остановилась у двери.

На лестнице уже пахло утренним тестом: Тавия поставила первую опару, хотя до рассвета оставалось несколько часов.

Мир существовал благодаря работе, которую кто-то выполнял, пока остальные спали. Завтра Мирена собиралась произнести это вслух.

У бюро был один клиент, половина свечи, долг за мебель и дело, которое могло обжечь руки.

Этого хватало, чтобы открыть дверь снова.

Глава 4. Полночь как рабочее время

К десяти утра Палата казны успела описать половину имущества Мирены и ни разу не произнести слово «корона».

Корона лежала на столе между счётной книгой Тавии и казённым футляром с карандашами. Младший писец занёс её в ведомость как «головной убор из драгоценного металла, одна штука», потом зачеркнул «головной» и написал «бывший церемониальный». Элиана молча вернула ему лист.

— Предмет не бывает бывшим, — сказала она. — И церемониальным тоже не бывает сам по себе. Назначение устанавливается владельцем и документом.

— Дворцовая опись называет её знаком наследницы, — заметила Мирена.

— А вы?

— Тяжёлой вещью, которую неудобно хранить.

Элиана вписала: «металлический венец; право собственности оспаривается казной». Стоимость оставила пустой.

Описывать в бюро было почти нечего. Стол, два стула и перевёрнутый ящик принадлежали Тавии. Письменный набор — казне. Вывеска стоила меньше листа, на котором была нарисована. Даже свечу хозяйка булочной предусмотрительно разломилась не пополам, а записала как пользование светом

в течение семи вечеров.

— Наконец-то договор, который не пытается прожить дольше человека, — одобрила Элиана.

К полудню она исключила из возможного взыскания тетради клиентов, рабочие записи и единственный плащ Мирены. Корону велела запечатать, но оставила на месте до решения о принадлежности. Мирена подписала акт с шестью возражениями и одним вопросом: почему инструментом заработка признаётся карандаш, но не имя, которому доверяют клиенты?

Элиана прочла вопрос дважды.

— На него нет строки в форме.

— Вчера не было формы для моего увольнения.

— Я заметила закономерность.

— И что вы с ней сделаете?

— Сначала закончу опись.

Она сказала это сухо, однако в акте появилась седьмая приписка: «Деловая репутация оценке и изъятию не подлежит». Барон Воль её наверняка вычеркнет. До тех пор фраза существовала хотя бы в трёх экземплярах.

Вечером Мирена пришла к мастерской Яры без короны, но с папкой расчётов, ножницами Тавии и колокольчиком, одолженным у булочной. На двери висела золотая туфелька, а под ней — табличка: «К зимнему балу заказы не принимаются». За стеклом уже толпились заказчицы.

— Это старые, — объяснила Яра, впуская их через боко-

вую дверь. — Оплаченные пары готовы. Остальные принесли благословение.

На длинном столе стояли семь коробок с именами. Под столом теснилось ещё не меньше двадцати пустых коробок. Голубые нитки сами выползали из катушек, мерили воздух и складывались в узоры. Пока Яра держала руки за спиной, иглы дрожали над кожей, ожидая её пальцев.

Тавия заперла дверь и поставила колокольчик у кассы.

— Один звонок — прекращаем опыт, — сказала она. — Два — я выгоняю всех. Три — бегу за лекарем.

— А четыре? — спросила Яра.

— Я пекарь. После трёх импровизирую.

Мирена разложила ведомости. Семь оплаченных заказов они отметили зелёным. Двадцать три навязанных — голубым. У каждого голубого заказа было имя девушки, дата бала и пустое место вместо цены.

Первые покупательницы забрали обувь до одиннадцати. Каждой Мирена задавала одинаковые вопросы: когда сделан заказ, какая цена согласована, кто её назвал, можно ли отказаться. Ответы записывал писец городской торговой палаты — молодой человек по имени Дерн, которого Тавия нашла среди утренних покупателей булочек. Он пришёл не как чиновник, а как свидетель, и потому снял служебный значок перед входом.

— Я думала, фея платит Яре, — сказала одна из девушек. — То есть даром мастерства.

— Вы видели договор? — спросила Мирена.

— Нет. Все знают.

— Что именно знают все?

Девушка оглянулась на подруг.

— Что хорошая башмачница помогает девушкам попасть на бал.

— Помогает по собственному выбору или обязана?

— Разве это не одно и то же, если она хорошая?

Яра уронила напёрсток. Голубая нить тут же обвила её указательный палец и подтянула к столу.

Мирена ударила в колокольчик один раз.

Иглы замерли. Не упали — именно замерли, будто благоговение тоже прислушивалось к порядку проверки.

— Я отзываю согласие, — быстро сказала Яра.

— Проверка прекращена, — ответила Мирена.

Нить ослабла.

Тавия закрыла ставни перед растерянными заказчицами.

— Всем выйти на улицу и подумать, почему слово «хорошая» вдруг означает «бесплатная», — объявила она. — Готовые пары забирайте по одной. Бал не убежит. Если убежит, значит, плохо организован.

Когда мастерская опустела, Яра села прямо на пол.

— Я не смогу, — сказала она. — Я услышала вопрос и всё равно потянулась к игле.

Мирена опустила рядом, не касаясь её руки.

— Вы смогли отозвать согласие.

— После того как нитка меня потащила.

— До того как она обожгла.

— Это очень маленькая победа.

— Значит, её легче удержать. Мы можем на ней остановиться.

Яра посмотрела на двадцать три пустые коробки.

— Завтра они вернутся.

— Тогда завтра вы снова сможете сказать нет. Но доказательство не стоит вашей руки.

Дерн кашлянул у кассы.

— Простите. Я снял значок, но всё ещё умею читать торговые книги. Здесь нет двадцати трёх заказов.

Он показал реестр. В нём значились только семь оплаченных пар. Голубые имена проступали не на бумаге, а на крышках коробок.

— Нет заказчика, — продолжил он. — Нет цены, срока приёмки и даже лица, которому предъявлять счёт.

— Есть получательницы, — сказала Яра.

— Получательница товара не обязательно заказчица работы, — ответила Мирена. — Кто поручает вам шить?

В мастерской стало так тихо, что было слышно, как нитки шуршат в катушках.

Яра поднялась.

— Сестра сказала: «Пока в Ларине есть девушка без праздничных башмаков, твои руки не уснут прежде, чем обуют её для встречи с судьбой».

Золотая туфелька над дверью звякнула, хотя ветра не было. На стекле проступил голубой силуэт женщины с поднятой волшебной палочкой. Лица у неё не оказалось — только улыбка, слишком широкая для человеческого рта.

— Обязанность названа, — сказала Мирена. — Получательницы названы. Встречное благо?

— «За это стежок твой не сойдёт, кожа послушается, а обувь покажет путь к счастью».

— За это, — повторила Мирена. — За одну пару? За ночь? За всю жизнь?

Голубой силуэт дрогнул.

Тавия придвинула расчёты.

— Дар окупился на девяносто третьей паре, если считать по лучшей ставке ученицы. На сорок первой, если считать по ставке мастера. Мы взяли девяносто третью, чтобы никто не сказал, будто зависили.

— Я тогда ещё радовалась, — тихо сказала Яра. — Помню ту пару. Красные полусапожки для дочери стекольщика.

— Всё после неё не имеет названной оплаты, — сказала Мирена.

Силуэт на стекле повернулся к ней. Без глаз, но Мирена почувствовала внимание так же ясно, как когда-то чувствовала внимание толпы с дворцового балкона. В горле возник холод. Её тихий голос стал ещё слабее.

«Хорошая принцесса помогает», — будто прошептали стены.

Она знала эту ловушку. Не приказ — похвала. Не цепь — уверенность, что отказ превратит тебя в худшую версию себя.

— Яра, — сказала Мирена, — чего вы хотите сейчас?

— Закончить семь оплаченных пар. Закрывать мастерскую.

Уснуть до утра.

— Хотите сохранить мастерство?

— Да.

— Хотите когда-нибудь шить для бала?

Яра подумала.

— Если соглашусь на заказ и цену. Иногда мне нравятся сложные туфли. Я не хочу ненавидеть то, что умею.

Мирена повернулась к свидетелям.

— Запишите точно.

Дерн обмакнул перо.

— Я, Яра Сен, признаю дар мастерства оплаченным де-вяноста тремя парами, — произнесла Яра. — Оставляю за собой мастерство. Не принимаю работу без заказа, цены и срока. Сегодня после выполнения семи оплаченных заказов я закрываю мастерскую до утра.

Нити натянулись. На голубом ожоге вспыхнула тонкая линия.

Мирена подняла колокольчик, готовая остановить проверку.

— Договор не окончен, — прошептал силуэт голосами всех покупательниц сразу. — В городе есть девушки без баш-

маков.

— Есть, — согласилась Мирена. — Но желание получить вещь не создаёт обязанность другого человека её изготовить.

— Им обещана встреча с судьбой.

— Кем?

Силуэт замолчал.

— Кем? — повторила Мирена.

— Сказкой.

— Сказка не внесена в торговую книгу и не может быть заказчиком.

Дерн перестал писать и восхищённо посмотрел на неё. Тавия коротко фыркнула.

Силуэт вытянул палочку. Все двадцать три катушки разом размотались, нити метнулись к Яре. Мирена ударила в колокольчик.

Один раз.

— Проверка прекращена!

Нити не остановились.

Два раза.

Тавия распахнула дверь и крикнула ожидавшим снаружи:

— Яре навязывают двадцать три заказа без оплаты! Кто считает это её обязанностью — скажите вслух и назовите цену!

На улице зашумели. Никто не ответил.

Нити обвились запястьям Яры. Мирена схватила ножницы, но лезвия прошли сквозь голубое сияние. Элиана предупре-

ждала.

Точное название встречного блага. Или точное доказательство, что его нет.

Не титул. Не заклинание. Смысл, признанный вслух.

Мирена встала между Ярой и отражением феи.

— Это не помощь девушкам, — произнесла она. — Помощь можно предложить и прекратить. Это не плата за дар: дар уже оплачен. Это ночной труд Яры Сен по заказу, которого никто не сделал, ради обещания, которого никто не обязан исполнять. У этого труда есть исполнительница, часы и цена. Нет только того, кто согласился эту цену платить.

Её голос ударил в стёкла.

Не прежний церемониальный голос, заставлявший площадь умолкнуть. Этот был её собственным — тёплым, низким, неожиданно полным. Он вернулся лишь на одну фразу, но каждое слово заняло в мастерской своё место.

За дверью кто-то повторил:

— Ночной труд.

Другая женщина сказала:

— Без заказа.

Дерн поднял реестр.

— Без цены.

Тавия добавила:

— Значит, его нельзя требовать бесплатно.

Общественный смысл изменился не от власти Мирены. Его признали свидетели.

Голубые нити упали на пол. На каждой проступили маленькие серебряные цифры — часы, потраченные Ярой после девяносто третьей пары. Цифр было столько, что они осветили мастерскую снизу.

Силуэт феи сжался до размера монеты.

— Тогда кто заплатит? — спросил он уже одним усталым голосом.

— Тот, кто закажет, — ответила Яра.

Она сказала это сама.

Силуэт исчез. Золотая туфелька над дверью потускнела, но не рассыпалась. Способность Яры осталась: лежавшая на столе кожа по-прежнему мягко изгибалась под её ладонью. Только иглы больше не поднимались без приглашения.

Яра медленно сняла фартук.

— Семь пар готовы, — сказала она. — Остальные сегодня не существуют.

За дверью раздалось возражение. Кому-то нужны были туфли именно к полуночи, кому-то обещали первый танец, кто-то приехал из другого конца города. Яра выслушала всех через открытую дверь.

— Завтра с девяти я приму заказы, — сказала она. — Срочность оплачивается отдельно. Ночные часы — в двойном размере. Кто не согласен, может прийти после бала.

Одна девушка ушла сердито. Две спросили цену. Третья призналась, что умеет чинить собственные башмаки и просто боялась явиться не в волшебных. Через четверть часа

у Яры было три новых заказа с подписями и предоплатой. Остальные разошлись.

— Мы победили? — спросил Дерн.

— Мы установили условия, — поправила Мирена. — Победа будет завтра, если они сохранятся после сна.

Она хотела сказать это тем же полным голосом, но от него остался привычный хрипловатый шёпот.

Яра слышала разницу.

— На минуту вы говорили как раньше?

— Не как раньше, — ответила Мирена. — Лучше.

Правда была приятной и потому подозрительной. Мирена коснулась горла. Там, где дворцовая магия оставила пустоту, теплилось одно чужое точно названное слово: труд. Оно не принадлежало ей и всё же помогло вернуть голос. Магия откликнулась не на происхождение, а на точность.

На обороте свидетельского акта золотом проявилась строка:

«Встречное благо исчерпано. Дальнейшее исполнение требует нового согласия».

Ниже возникла вторая:

«Толковательница назвала роль и приняла цену называния».

— Какую цену? — спросила Тавия.

Мирена попыталась ответить: «Не знаю».

Первое слово вышло. Второе застряло, хотя она ясно понимала его смысл. Она могла сказать «не выяснила», «пока

неизвестно», «нужно проверить». Но простого слова о собственном незнании будто никогда не существовало.

Холод прошёл по спине.

— Цена уже взята, — сказала она наконец.

Тавия перестала улыбаться.

— Что пропало?

— Одно слово. Маленькое.

— Какое?

Мирена открыла рот и обнаружила нелепость: чтобы назвать утрату, нужно было произнести утраченное.

— То, которым отвечают, когда ответа нет.

Яра сняла с кассы чистую карточку и написала: «НЕ ЗНАЮ».

Мирена прочла её без труда. Произнести не смогла.

Тавия взяла карточку так осторожно, словно это был осколок стекла.

— И ты собиралась вмешиваться ещё в десятки клятв?

— Собираюсь помогать людям. Теперь — с учётом цены.

— Твоей цены.

— Да.

— Клиенты должны о ней знать?

Мирена посмотрела на Яру. Скрыть потерю значило бы превратить собственную жертву в невидимый труд — ровно то, против чего они только что спорили. Но сообщать каждому клиенту означало предложить им вину вместо свободного выбора.

— Они должны знать, что вмешательство не бесплатно и что я могу отказаться, — сказала она. — Какое именно слово потеряно, решу после того, как пойму правило.

Тавия кивнула неохотно.

Яра отсчитала из предоплаты три серебряных и положила на стол.

— Первый гонорар бюро.

— Мы не договаривались о сумме.

— Поэтому я не дарю. Предлагаю оплатить сегодняшнюю работу. Вы можете отказаться или назвать другую цену.

Мирена посмотрела на монеты. Казна учтёт их. Долг не исчезнет. Но если бюро будет принимать только благодарность, однажды благодарность превратится в требование работать без сна.

— Два серебряных, — сказала она. — Один остаётся вам на лечение руки. Договор действует только за сегодняшний раз и не обязывает обращаться снова.

— Согласна.

Золотая искра легла между двумя монетами и погасла. Никаких нитей.

На рассвете они вышли из мастерской. Яра заперла дверь обычным ключом. Впервые за много лет голубые нити не просочились сквозь замочную скважину.

На соседней улице звонили часы. Мирена услышала последний удар полуночи — не дворцовой, не сказочной, а рабочей: час закончился, потому что человек назвал его пре-

дел.

Она несла в папке первый оплаченный акт бюро, доказательство нового правила и карточку с двумя словами, одно из которых больше не могла присвоить себе.

Свобода оказалась не отсутствием цены.

Свобода начиналась с права увидеть счёт до того, как согласишься его оплатить.

Глава 5. Финансистка считает людей

Из уведомления казначейства следовало, что первый до-ход бюро надлежало описать до полудня.

Из записки Тавии следовало, что до полудня надлежало также вынуть из печи маковые плетёнки, принять муку и не позволить сборщику пошлин снова измерить ширину витрины вместе с тенью от навеса.

Мирена выбрала казначейство. Тень Тавия умела защищать сама.

Два серебряных лежали на столе между карточкой «НЕ ЗНАЮ» и актом о ночном труде Яры. За окном город только просыпался после зимнего бала. По мостовой возвращались кареты, на ступенях булочной сидел юноша в одной волшебной туфле и безуспешно вспоминал, кому обещал вечную любовь. В комнате пахло свежим деревом, чернилами и вчерашней магией.

Элиана вошла без стука ровно с последним ударом девяти часов. Сегодня за ней не было ни стражников, ни грузчиков. Только серый дорожный плащ, кожаная папка и серебряная счётная лента на запястье.

— Я ожидала увидеть здесь разгром, — сказала она.

— Разгром в мастерской Яры. Здесь только прибыль.

— Два серебряных — доход. Прибылью они станут после расходов.

— Вы умеете испортить торжественный момент одним существительным.

— Двумя. У вас есть расходы.

Элиана сняла перчатки, положила папку на край стола и лишь тогда заметила карточку. Прочла, перевела взгляд на Мирену, снова на карточку.

— Это памятка клиенту?

— Мне.

Мирена рассказала о цене разомкнутой клятвы коротко, не превращая потерю в подвиг. Когда дошла до слов, которых больше не могла произнести о себе, горло привычно сомкнулось. Она указала на карточку.

Элиана не стала просить доказательств.

— Письменно вы можете это сообщить?

Мирена взяла перо и вывела: «Я не знаю».

— Можете читать?

— Да.

— Произнести о другом человеке?

— Яра не знает, кто заказал башмаки.

— О прошлом?

— В детстве я не знала, почему придворные кланяются мебели, если рядом стою я.

— Значит, исчезло не слово. Исчезла формула самоописания в настоящем времени.

— Очень утешает.

— Не должно. Но это граница, а граница лучше безымянной бездны.

Элиана достала чистый лист и начертила четыре столбца: действие, полученное благо, свидетель, цена толковательницы.

— Вы меня описываете? — спросила Мирена.

— Пока только событие.

— Есть разница?

Перо остановилось.

— Должна быть.

Ответ прозвучал тише обычного. Мирена запомнила его, но не стала приближаться к смыслу, которого Элиана сама не предложила.

Финансистка пересчитала монеты, проверила акт Яры, расписку Дерна и проявившуюся золотую строку. Затем попросила договор аренды, счёт за вывеску, стоимость колокольчика и расход свечей. Мирена выкладывала бумаги, пока два серебряных не оказались окружены долгами на двадцать семь серебряных и четыре медяка.

— Поздравляю, — сказала Элиана. — Ваше бюро убыточно.

— Оно существует третий день.

— Поэтому я поздравляю без злорадства.

Счётная лента ожила на её запястье. Серебряные деления пробежали по коже, складывая суммы. Мирена ждала, что

казённая магия потянется к монетам, но лента коснулась акта Яры и отдёрнулась, будто наткнулась на горячее.

— Что это значит?

— Доход получен за профессиональное действие, совершённое после вашего публичного отказа от династической роли. Казначейству будет труднее назвать его плодом вложений короны.

— Труднее — не невозможно.

— В казначействе почти ничего не невозможно. В этом его худшее и лучшее качество.

Элиана положила один серебряный в конверт с надписью «Налоговый резерв», шесть медяков отсчитала Тавии за долю отопления, а остальное вернула Мирене.

— Я думала, вы заберёте всё в погашение долга.

— Мне поручено взыскание, а не удушение источника дохода.

— Барон Воль различает эти действия?

— На бумаге.

С лестницы донёсся тяжёлый топот. Тавия открыла дверь плечом и внесла деревянный ящик с выжженным гербом Династического стола.

— Ваше «на бумаге» прибыло, — сказала она. — Трое грузчиков отказались поднимать, пока я не объяснила, что бывшая принцесса не кусается до завтрака.

В ящике лежал приказ. Опись надлежало дополнить «всем имуществом, посредством которого должница полу-

чает выгоду от воспитания, известности и навыков, предоставленных короной». Ниже следовал перечень: стол, стулья, вывеска, колокольчик, папки, печать бюро, свидетельские акты и любые будущие гонорары. В конце барон собственной рукой приписал: «Помещение опечатать до выяснения».

— Быстро, — сказала Мирена.

— Он не спал после бала, — заметила Элиана. — Видимо, тоже работал ночью. Бесплатно.

Тавия усмехнулась, но Мирена увидела, как финансистка дважды перечитала последнюю строку. Серебряная лента на её руке потемнела.

— Вы обязаны исполнить? — спросила Мирена.

— Я обязана рассмотреть распоряжение старшего должностного лица в пределах его полномочий.

— Это звучит как дверь, которую можно открыть в любую сторону.

— Именно поэтому двери любят чиновники.

Элиана обошла комнату. Коснулась стола, вывески у окна, дешёвого колокольчика. У каждого предмета в воздухе вспыхивала цена. Потом она остановилась перед узким шкафом, где лежали карточка Яры, копия её договора и список свидетелей.

— Клиентские записи не являются имуществом должницы, — произнесла Элиана для счётной ленты. — Их изъятие причинит ущерб третьим лицам и не создаст ликвидной

стоимости.

Лента закрепила формулировку серебряным узлом.

— Печать бюро, — продолжила она, — не имеет самостоятельной стоимости без права вести деятельность. Колокольчик используется для безопасности при магических проверках. Письменные принадлежности необходимы для получения дохода. Стол и два стула принадлежат арендодательнице согласно приложению к договору.

Тавия немедленно нашла приложение и постучала по нему пальцем.

— Три стула, — сказала она. — Третий сейчас внизу, потому что на нём растаивается тесто.

— Это не улучшает его взыскную ценность.

— Зато улучшает булочки.

Элиана записала исключения. Под ними приказ барона начал наливать красным, требуя исполнения. Серебряная лента стянула запястье финансистки. На коже выступила тонкая белая полоса.

— Вам больно, — сказала Мирена.

— Мне возражают полномочия.

— Чьи?

— Мои собственные. При назначении я обязалась сохранять взыскиваемое имущество и обеспечивать поступление долга. Заккрытие работающего бюро уменьшит поступления. Приказ противоречит цели взыскания.

— Значит, вы можете отказать.

— Значит, я должна обосновать отказ так, чтобы утром не лишиться должности.

— А если иначе нельзя?

Элиана посмотрела на неё спокойно, но пальцы другой руки легли поверх ленты.

— Тогда это будет мой выбор. Не ваш способ доказать, что система несправима.

Мирена ощутила стыд прежде, чем успела подобрать возражение. Ей действительно хотелось, чтобы Элиана сорвала ленту и бросила рядом с её короной. Красивый жест превратил бы спор в простую сказку: добрая взыскательница прозрела, плохой двор остался позади. Но у Элианы были причины оставаться, о которых Мирена ещё ничего не знала. Требовать от неё прыжка только потому, что сама уже прыгнула, значило снова назначить чужую роль.

— Вы правы, — сказала Мирена. — Я не буду выбирать цену за вас.

Лента ослабла на одно деление.

Элиана подняла бровь.

— Любопытно.

— Что?

— Моя клятва слышала вас.

Она села и написала на приказе: «В описи отказано в части инструментов профессиональной деятельности, документов третьих лиц и имущества арендодателя. Опечатавание признано противоречащим задаче взыскания». Постави-

ла подпись. Красные буквы барона вспыхнули, но серебряная запись выдержала.

Оставалась вывеска.

— Она ваша? — спросила Элиана.

— Доску подарил старый хозяин лавки. Краску купила Тавия. Название придумала я.

— Подарок, заём и нематериальный вклад. Прекрасно. Казначейство сможет спорить о ней до весны.

— А пока?

— Пока она остаётся висеть.

Мирена подошла к окну. На улице уже собрались люди. Яра стояла первой, с забинтованной рукой и тремя коробками оплаченных заказов. За ней ждали две прачки, служанка в плаще с гербом говорящей башни и невысокая женщина с семью одинаковыми корзинами.

— Они пришли не из-за вывески, — сказала Мирена.

— Нет. Из-за слуха.

— Его тоже опишете?

— Деловая известность может иметь стоимость.

— Она состоит из рассказов людей. Вы внесёте в казённую книгу их голоса как моё имущество?

Элиана подошла к окну. Снизу Яра заметила их и подняла руку. Не бывшей принцессе — обеим.

— Нет, — сказала Элиана. — Но двор попытается назвать вашу известность частью династического капитала. Он учил вас говорить, давал площадь, церемонии и слушателей.

— А голос отнял.

— В расчёте это уже учтено как прекращение услуги церемониального усиления.

Мирена резко обернулась.

— Моё молчание названо прекращением услуги?

— Я не составляла исходную ведомость.

— Но вы принесли её.

— И нашла в ней начисленное вам жалованье.

— После того как я показала строку.

— Да.

Элиана не защищалась. От этого спорить было труднее.

— Вы всё ещё думаете, что такую систему можно исправить изнутри? — спросила Мирена.

— Я думаю, что без людей внутри вы бы не получили копию ведомости, срок на возражение и отказ от опечатывания.

— А без людей снаружи вы бы не увидели, что ночной труд — труд.

— Увидела бы.

— Записали бы?

Элиана помолчала.

— Не уверена.

Слова прозвучали просто. Мирена почувствовала их почти физически — возможность признать предел собственного знания. То, чего магия лишила её, Элиана положила между ними без стыда.

— Вот почему мне трудно доверять вашим книгам, — сказала Мирена уже мягче. — Они считают только то, чему заранее дали графу.

— А вашему бюро я не доверяю потому, что вы готовы назвать справедливостью то, что ещё не умеете оплачивать. Два серебряных не содержат контору. Если вы возьмёте сто дел, потеряете сто слов и разоритесь, клиенты останутся с красивой историей о вашей жертве и без защиты.

— Тогда помогите мне посчитать иначе.

— Это предложение о сотрудничестве должницы взыскательнице?

— Нет. Просьба показать метод. Без доступа к клиентским тайнам и без права решать, какие дела брать.

Элиана посмотрела на очередь у входа, затем на приказ барона.

— Один час после каждой официальной описи, — сказала она. — Я объясняю вам основы учёта. Вы не называете это поддержкой казначейства и не ссылаетесь на меня в слушаниях. Если дело касается короны, я сообщаю о конфликте полномочий.

— Оплата?

— Ваши возражения к династической ведомости. Если найдёте ошибку, я получу точнее составленный баланс.

— А если ошибок нет?

— Тогда я получу редкий час тишины.

Они записали условия. Мирена особенно настояла на по-

следней строке: любая из них могла прекратить занятия без объяснения причин и без ущерба для основного дела. Золотая искра появилась над подписями, но не превратилась ни в цепь, ни в нить. Просто отметила согласие и погасла.

— Вы всегда так внимательно читаете договоры? — спросила Элиана.

— Теперь да.

— Жаль. Казначейство предпочитало прежнюю версию принцессы.

В дверь постучали. Яра просунула голову и сообщила, что очередь дошла до лестницы, а женщина с корзинами привела ещё семерых жильцов — невысоких, бородатых и очень недовольных тем, как в их доме распределяется работа.

— У нас запись? — спросила Мирена у Тавии.

— У нас есть тетрадь, — ответила та. — Запись появится, когда кто-нибудь начнёт ею пользоваться.

Элиана застегнула папку. Приказ об опечатавании остался на столе перечёркнутым её серебряной формулировкой.

— Барон пришлёт другого исполнителя, — предупредила она. — Или изменит цель приказа так, чтобы моё возражение не работало.

— Сколько у нас времени?

— Если он поспит — до завтра. Если нет — до обеда.

Мирена открыла тетрадь приёма. На первой странице написала: имя, желаемый результат, срочность, возможная цена магии, возможность отказаться. Потом добавила ещё од-

ну графу: кто выполняет невидимую работу.

Женщина с корзинами вошла первой.

— Меня зовут Белла, — сказала она. — Семеро мужчин считают, что я живу у них бесплатно.

За её спиной семь голосов одновременно возразили, что они никогда такого не говорили.

— Прекрасно, — сказала Мирена. — Значит, начнём не со сказки, а с ведомости.

Элиана уже стояла на лестнице. Услышав это, она обернулась. Их взгляды встретились через тесную комнату, очередь и перечёркнутый приказ.

Мирена не могла решить, кем Элиана была для неё: угрозой, свидетельницей, будущей союзницей или самым внимательным противником. Раньше она ответила бы привычной формулой. Теперь формулы не было.

Приходилось не называть себя знающей заранее.

Приходилось смотреть на поступки.

Глава 6. Семь гномов, одна ведомость

> Из Домового уложения Латории: «Пища, кров и защита, добровольно предоставляемые хозяевами дома принятому жильцу, не образуют платы, если благодарность жильца считается достаточной».

Первый гном назвался Бреном и сообщил, что Беллу никто не удерживает.

Второй, Дорн, добавил, что дверь в доме исправна.

Третий, Фел, уточнил, что у двери даже две ручки — снаружи и изнутри.

— Это важно для дела? — спросила Мирена.

— Для двери — безусловно, — ответил Фел.

Остальные четверо закивали так серьёзно, будто удостоверяли инженерное заключение. Белла поставила семь корзин вдоль стены бюро и села на единственный свободный стул. Она была ниже Мирены на голову, носила серое платье с закатанными рукавами и говорила без той сладкой напевности, которую придворные учителя приписывали всем девушкам, однажды найденным в лесу.

— Я могу уйти, — сказала она. — Но тогда по договору должна вернуть стоимость проживания за девять лет. С процентами за спасение, защиту и нравственное исправление.

Семь бород одновременно дрогнули.

— Мы не брали процентов, — возразил Брен.

— Их берёт дом.

Это прозвучало достаточно странно даже для Ларина. Мирена открыла тетрадь приёма и записала имена. После Брена, Дорна и Фела шли Гард, Мел, Орт и Юн. Все семеро числились совладельцами рудничного товарищества «Семь киров», общего дома и кладовой. Белла не числилась нигде.

— Что вы хотите получить? — спросила Мирена у неё.

— Возможность уйти без долга. И плату за последние три года.

— Почему за три?

— За первые шесть я согласилась считать кров оплатой. Тогда я действительно пряталась от мачехи. Потом суд запретил ей приближаться ко мне, но дом продолжил считать меня спасённой.

Мирена повернулась к гномам.

— А вы чего хотите?

Брен снял шапку.

— Чтобы нас не объявили злодеями. Мы нашли её зимой, накормили, отдали комнату. Никто не заставлял её готовить.

— Кто готовит сейчас?

— Белла.

— Кто стирает?

— Белла.

— Убирает рудную пыль, ведёт покупки, чинит одежду,

растапливает печи?

После каждого вопроса отвечал новый гном, но имя оставалось прежним.

— Если она не делает этого день? — спросила Мирена.

Юн, самый молодой, честно сказал:

— Мы едим всухомятку.

— Два дня?

— Теряем чистые носки, — признал Орт.

— Неделю?

— Дом начинает штрафовать нас за беспорядок, — пробормотал Мел.

Вот тогда корзины у стены зашевелились. Крышки поднялись, и из каждой выскользнула узкая полоска пергамента. Семь полосок поползли по полу к ботинкам Беллы. На первой проступило: «Одна седьмая тепла». На второй: «Одна седьмая защиты». Третья требовала плату за крышу. Остальные пока оставались пустыми, но края их уже золотились.

Тавия ударила в колокольчик безопасности. Пергаменты замерли.

— Они всегда так делают? — спросила она.

— Когда я говорю об уходе, — ответила Белла. — Поэтому я принесла их отдельно. Дома они составляют одну ведомость и приклеиваются к двери моей комнаты.

— Вы говорили, что дверь исправна, — напомнила Мирена Фелу.

— Механически.

Гномы явно не считали себя хозяевами взыскания. Они смотрели на живые расписки с тем же раздражённым страхом, с каким Мирена смотрела на собственный династический счёт. Это не делало Беллу менее связанной, но меняло вопрос. Перед Миреной сидели не семь одинаковых угнетателей, а восемь человек, позволивших дому распределить между ними удобную сказку.

— Мне нужны исходное соглашение, домовая книга и перечень расходов, — сказала она. — И полный список работы Беллы хотя бы за месяц.

— Списка нет, — ответил Брен.

— Тогда составим.

— Нельзя посчитать заботу, — сказал Дорн.

— Можно посчитать время.

— Но она делала всё по-разному.

— Значит, понадобится больше строк.

В этот момент в дверях появилась Элиана. Она пришла без сопровождения, с папкой под мышкой и свежей белой полосой от счётной ленты на запястье. Увидев семерых гномов, семь корзин и Беллу, она остановилась.

— Официальная опись закончена сорок минут назад, — сказала она. — Ваш урок уже начался или это наглядное пособие?

— И то и другое, — ответила Мирена. — Как посчитать работу, которую никто не записывал?

Элиана не сняла пальто.

— Плохо.

— Это метод?

— Это предупреждение. Сначала определите период, затем действия, частоту, заменяемость и того, кто получил выгоду. Не начинайте со справедливой суммы. Если сумма появляется раньше фактов, ведомость превращается в украшение желания.

Белла внимательно оглядела финансистку.

— Вы та, что взыскивает долг принцессы?

— Бывшей принцессы. Да.

— И вы будете считать мой?

— Нет. Я объясняю должнице основы учёта по отдельному соглашению. Ваши сведения останутся у бюро, если вы сами не разрешите иное.

Мирена заметила, что Элиана раскрыла конфликт полномочий до первого вопроса. Белла тоже заметила.

— Тогда можете остаться, — решила она. — Но если назовёте моё шитьё благодарностью, уйдёте раньше меня.

— Разумное условие.

Они разделили лист на четыре части. Утро Беллы началось за час до подъёма жильцов: печи, вода, каша, лампы. Затем она сортировала грязную и чистую одежду, принимала продукты, переписывалась с поставщиками, лечила порезы, сушила сапоги и выметала рудную пыль, которая, по словам гномов, «сама находила щели». Вечером следовали

ужин, починка, счета товарищества и подготовка еды на следующий день.

— Счета? — переспросила Мирена.

Брен покраснел до ушей.

— Она лучше пишет.

— Кто ведёт расчёты с покупателями руды?

— Белла, — сказал Юн.

— Кто напоминает о просроченных платежах?

— Белла.

— Кто заметил, что северная жила приносит убыток из-за двойной платы за вывоз?

Теперь ответили все семеро.

— Белла.

Элиана молча передвинула строку «счета» из домашней части листа в профессиональную.

— Я не спускалась в шахту, — возразила Белла.

— Товарищество не заканчивается у входа в шахту, — сказала финансистка. — Если без вашей работы оно теряет деньги, работу получает товарищество.

— Но дом тоже получает, — заметила Мирена.

— Тогда разделите получателей выгоды. Не делите работу.

Фраза легла на бумагу серебряной чертой. Мирена посмотрела на Элиану. Та уже спрашивала, сколько времени занимали письма и проверка накладных, и не заметила взгляда — или оставила его без ответа.

К полудню выяснилось, что Белла работала в среднем одиннадцать часов в день, шесть дней в неделю. Гномы потрясённо спорили с каждой отдельной цифрой и соглашались с их суммой. Один завтрак занимал немного времени. Одна пуговица — ещё меньше. Но семь рубашек, семь пар сапог, три печи, закупки на восемь человек и книги рудничного товарищества складывались в жизнь, внутри которой свободными оставались ночь и половина воскресенья.

— Почему вы не сказали? — спросил Юн.

Белла медленно повернула к нему голову.

— Я говорила, что устала.

— Я думал, ты устала вообще.

— А я, по-твоему, существую отдельно от того, что делаю?

Он опустил взгляд.

Мирена знала соблазн немедленно назвать виновного. При дворе виновный был удобнее причины: его можно было вывести из зала, и порядок снова выглядел безупречным. Но договор Беллы держался не на одном грубом слове. Он держался на тысячах мелких согласий не замечать.

— Что изменилось три года назад? — спросила Мирена.

Белла достала из корзины сложенный судебный лист. Запрет мачехе приближаться к падчерице был выдан в день совершеннолетия Беллы. Внизу стояла отметка домового магии: «Угроза устранена. Гостевой кров сохраняется по милости хозяев».

— Дом признал, что спасение закончилось, — сказала Мирена. — Но сохранил только ту часть истории, где вы получаете.

— Потому что мы хозяева, — предположил Гард.

— Потому что договор называл хозяевами только вас. Белла в нём — принятая жилища. Всё, что она делает, магия толкует как благодарность.

— Но благодарность не может длиться девять лет, — сказал Юн.

Элиана провела пальцем по исходному соглашению.

— Может, если у неё нет срока и меры.

— Значит, договор плохой?

— Значит, он очень хорошо выполняет то, что в нём написано.

На лестнице стало шумно. Очередь не уменьшалась, и Тавия уже выдавала ожидающим деревянные номерки от хлебных корзин. Мирена хотела закрыть дверь, но Белла попросила оставить открытой.

— Девять лет всё решалось в нашем доме, — сказала она. — Пусть хоть сегодня услышат не только они.

Свидетелями согласились стать Яра, две прачки и старик, пришедший спорить с говорящей башней о сверхурочных колоколах. Тавия принесла грифельную доску. На ней Мирена выписала четыре величины: стоимость комнаты и пищи; стоимость домашней работы; стоимость работы для товарищества; уже предъявленные домом проценты.

Домовой договор ожил, когда Белла положила ладонь на доску. Семь полосок пергамента сцепились концами и поднялись над столом. В воздухе возник крошечный дом: крыша из слов «кров», стены из слова «защита», дверь из «благодарности». Внутри двигалась золотая фигурка Беллы. Она носила воду, мешала кашу, штопала, считала, снова носила воду. Семь фигурок уходили в шахту и возвращались. Каждый раз, когда они переступали порог, дом становился прочнее.

— Вот, — сказал Брен с облегчением. — Видите? Мы дали ей дом.

— Вижу, — ответила Мирена. — А дом показывает, что дала она.

Брен прищурился. Там, где фигурка Беллы касалась стены тряпкой, появлялась новая доска. Где растапливала печь — загоралось окно. Где вела счета — под фундаментом возникала серебряная жила. Дом был предоставлен гномами однажды и поддерживался Беллой ежедневно.

Мирена почувствовала знакомое давление в горле. Клятва ждала толкования. Можно было разомкнуть её, назвав скрытый труд, и заплатить следующим словом о себе. Но Белла просила не только свободы. Она просила расчёта. Если Мирена сейчас разрушит договор, цифры могут рассыпаться вместе с ним, а долг дома исчезнет вместе с доказательством.

— Я не стану размыкать клятву, — сказала она.

Белла побледнела.

— Почему?

— Пока. Сначала мы изменим её смысл свидетельством и ведомостью. Если не получится, вы решите, хотите ли заплатить моей ценой за быстрый выход или выбрать другой путь.

Она нарочно сказала «моей ценой». Не скрыла её и не выставила заслугой.

Элиана едва заметно кивнула.

Мирена попросила Беллу вслух подтвердить три вещи: срок, после которого кров перестал быть платой; работу, сделанную после этого срока; желаемый результат. Потом обратилась к гномам.

— Вы признаёте, что товарищество пользовалось её расчётами?

— Признаём, — первым сказал Брен.

— Что домашняя работа была необходима вашему общему быту?

Гард попытался возразить, что мог бы варить кашу сам, но Тавия спросила, когда он делал это в последний раз. Оказалось, до знакомства с Беллой.

— Признаём, — повторил он.

— Что после прекращения угрозы Белла просила изменить порядок?

Здесь возникла тишина.

— Она говорила, что устала, — сказал Юн.

— Это не то же самое, что требование платы, — заметила Элиана.

Белла сжала губы.

— Я просила выделять мне два свободных дня. Брен сказал, что в благодарности выходных не бывает.

Брен закрыл глаза.

— Было.

Магический дом качнулся. Одно из окон погасло, а слово «благодарность» на двери треснуло.

Мирена взяла мел.

— Кров и пища за первые шесть лет признаются исполненной встречной платой. После судебной отметки прежняя цена перестала соответствовать обстоятельствам. Работа для товарищества оплачивается отдельно. Домашняя работа либо распределяется между жильцами, либо оплачивается по соглашению. Отказ Беллы продолжать не создаёт долга.

Она не произносила, что это закон. Закона ещё не было. Она называла то, что признали стороны и свидетели.

— А три года? — спросила Белла.

Элиана разложила расчёт.

После вычета разумной доли Беллы в пище, отоплении и собственной комнате товарищество оставалось должно ей за ведение книг и переписку. Домашняя работа стоила больше, но точной ставки не существовало. Мирена предложила не изображать точность: определить нижнюю границу по стоимости замены — прачки, повара, счетовода и закупщика, — а затем согласовать рассрочку.

— Мы разоримся, — сказал Дорн, увидев итог.

— Нет, — ответила Элиана. — Но два сезона будете жить заметно беднее.

— А если не согласимся?

Белла встала.

— Тогда я ухожу сегодня, а вы спорите со мной в Домовом столе. Но до решения сами готовите, стираете и ведёте счета.

Семеро посмотрели друг на друга. Впервые за всё утро никто не посмотрел на Беллу, чтобы она решила за них.

— Рассрочка, — сказал Брен.

— И два выходных, — добавил Юн.

— Не вам назначать мои выходные, — отрезала Белла. — Я больше не живу у вас как принятая жилища. Я сниму комнату в городе. Товариществу могу вести книги по отдельному договору, три дня в неделю. Домашнюю работу делите сами или нанимайте человека.

— А воскресный пирог? — спросил Фел.

Белла посмотрела на него так, что даже магический дом слегка отодвинулся.

— Можете пригласить меня в гости.

— Ты придёшь?

— Если захочу.

Это короткое условие оказалось самым трудным. Гномы привыкли к её присутствию как к печи: печь могла погаснуть, сломаться, плохо тянуть, но не имела планов на воскресенье.

Они подписали соглашение по одному. С каждой подпи-

сю дом в воздухе менялся. Семь одинаковых ключей над дверью превратились в восемь разных: семь оставались у владельцев, восьмой лёг на ладонь Беллы и рассыпался медной стружкой. Она больше не была обязана открывать эту дверь.

Полоски из корзин свернулись в чистые листы. Ни одна не потребовала с Беллы плату за спасение.

Мирена ждала боли и исчезнувшего слова. Ничего не произошло. Клятва не была разорвана силой её толкования: стороны сами заменили бессрочную благодарность измеримыми соглашениями.

— Значит, можно без потери? — тихо спросила она у Элианы.

— Иногда, — ответила та. — Когда все, кто получает выгоду, согласны увидеть ведомость.

— А если не согласны?

— Тогда понадобится суд, рычаг или ваша способность. Не превращайте удачный случай в правило.

Белла получила первый платёж — небольшой, но настоящий. Потом сняла со связки ключ от гномьего дома и положила перед Бреном. Тот не взял.

— Оставь до переезда.

— До завтрашнего вечера, — сказала она. — Это срок, не приглашение передумать.

— Понял.

Магия отметила срок тонкой зелёной чертой.

Когда восемь участников вышли, очередь на лестнице расступилась. Беллу поздравляли. Гномов разглядывали без особой доброжелательности, но Яра остановила одну прачку, назвавшую их паразитами.

— Они хотя бы сели считать, — сказала она. — Мой заказчик до сих пор прячется за феей.

Мирена успела подумать, что дело закончено, прежде чем старик с башней положил на стол свою тетрадь.

— Моя жена тридцать восемь лет следила, чтобы башенный колокол не будил город лишний раз, — сообщил он. — Стол башен считает это супружеской помощью. Посчитайте.

За ним две прачки потребовали признать труд девушек, которых речные духи «принимают в семью» в обмен на уборку берегов. Следом вошла женщина из дома трёх медведей с вопросом, почему дегустация каши считается гостеприимством, если после неё приходится неделю отрабатывать разбитый стул. Кто-то уже переписывал четыре величины с грифельной доски на листки и передавал вниз.

К вечеру Тавия принесла Мирене новую тетрадь. Старая закончилась.

— Сорок семь обращений, — сказала она. — И это только те, кто дождался номерка.

— Мы не можем взять сорок семь дел.

На слове «можем» горло не сомкнулось. На слове «не» тоже. Но Мирена услышала в собственной фразе то, чего ещё вчера старалась не замечать: предел.

Элиана собрала учебные листы.

— В Домовом столе к утру будет больше четырёхсот требований, если каждый из этих людей расскажет десятерым.

— Вы говорите так, будто это бедствие.

— Для казны — да. Домовые соглашения уменьшают денежные расходы хозяйств. Если скрытый труд станет долгом задним числом, часть домов не расплатится.

— Значит, оставить всё как есть?

— Значит, победа Беллы создала обязательства не только для семерых гномов. Вам понадобится правило перехода, иначе справедливые требования обрушат тех, кто не умеет их исполнить, и первыми пострадают сами работницы.

— Вы уже защищаете дома от счетов?

— Я защищаю счета от обещаний, которые нельзя взыскать.

Мирена хотела рассердиться, но на столе лежали сорок семь обращений и два серебряных гонорара. Одно дело заняло почти день, помощь Тавии и бесплатный час Элианы. Если она пообещает всем немедленное освобождение, бюро станет ещё одной сказкой, в которой труд совершается сам — только теперь её собственный.

Она открыла новую тетрадь и добавила к графам приёма ещё три: срочная опасность, желаемый срок перемен, ресурсы для перехода.

— Я не откажу им потому, что их много, — сказала Мирена.

— И не обязаны брать каждое дело лично.

— Пока больше некому.

Элиана посмотрела на доску, исписанную расчётами Беллы.

— Тогда научите их считать до того, как будете толковать.

Это было не спасение и не приказ. Просто способ сделать следующую строку возможной.

Внизу хлопнула дверь. Тавия выглянула в окно и сообщила, что по улице идёт писарь Домового стола с красным футляром. За ним следовали двое стражников и трое домовладельцев, громко требовавших закрыть бюро, пока их благодарные родственницы не превратились в кредиторов.

Мирена перевернула грифельную доску чистой стороной. На ней мелом проступили слова, которых она не писала: «Прецедент признан. Число требований: четыреста двенадцать».

Элиана прочла строку и застегнула папку.

— Кажется, ваш первый коллективный урок учёта начнётся раньше, чем мы планировали.

Мирена взяла колокольчик безопасности и открыла дверь.

— Тогда пусть Домовой стол принесёт свою ведомость.

Глава 7. Цена ясного слова

Писарь Домового стола вошёл в бюро так, будто за его спиной помещалось всё государство, а не двое запыхавшихся стражников и трое домовладельцев, споривших между собой на лестнице.

Красный футляр он держал поперёк груди. На крышке золотом значилось: «Для решений, не допускающих толкования».

— По поручению старшего распорядителя домашних приглашений, — начал он, — вам надлежит немедленно прекратить приём требований, основанных на деле Беллы Дорнской, до выяснения последствий.

— Белла не Дорнская, — сказал Брен от двери. — Дорн — это он.

Он указал на самого широкого из гномов. Дорн поднял руку, словно признавался в опечатке.

Писарь поморщился.

— Существо дела от этого не меняется.

— Для начала запишите имя правильно, — сказала Мирена. — Потом предъявите поручение.

Писарь раскрыл футляр. Внутри лежал не приказ, а чистый лист с красной каймой. Внизу уже теснились печати Домового стола, казначейства и Палаты добрых обычаев. Строка для основания оставалась пустой.

— Основание будет внесено после того, как вы подтвердите прекращение приёма.

— То есть решение не допускает толкования, потому что ещё не написано?

Очередь на лестнице засмеялась. Писарь покраснел до цвета футляра.

Элиана не улыбнулась. Она взяла лист двумя пальцами, проверила печати против света и вернула.

— Казначейская печать подлинная, но она удостоверяет только получение уведомления о возможных расходах. Полномочия закрывать частное бюро здесь нет.

— Госпожа Весс, вас просили присутствовать при описи, а не содействовать распространению требований.

— Я присутствую при последствиях описи. Это неудобнее, но относится к тому же делу.

Мирена поставила колокольчик безопасности на край стола, чтобы его видели стражники.

— Мы не принимаем четыреста двенадцать дел. Мы выдаём людям лист первичного учёта. Он не создаёт долга и не размыкает соглашений. Если Домовой стол считает иначе, пусть назовёт, какое правило мы нарушили.

Писарь развернул чистый лист к ней.

— Правило будет сформулировано.

— После того как я ему подчинюсь.

— После того как будет устранена угроза общественному порядку.

Сзади выступил домовладелец в собольей шапке.

— Моя невестка с утра считает каждый вынесенный горшок! — объявил он. — Тридцать лет жила в моём доме как дочь, а теперь выставляет цену родству.

Женщина из очереди спросила:

— А вы считали приданое, которое она принесла?

— Это другое.

— Разумеется, — сказала Тавия. — Ваш счёт называется порядком, её счёт — угрозой порядку.

Спор расползся по лестнице. Мирена подняла ладонь, но её обычный голос утонул в криках. Церемониальный голос, который прежде заставлял зал замолчать одним вдохом, не вернулся.

Она ударила в колокольчик.

Звон был мал, зато условие его использования знали все посетители: один удар означал опасность, два — необходимость освободить проход, три — пожар. Люди замолчали не из-за титула, а потому, что сами согласились с правилом.

— Никто сегодня не получит решения о долге, — сказала Мирена. — Каждый может получить форму, чтобы описать труд, встречную плату, срок и желаемое изменение. Домовладельцы тоже могут взять форму и записать расходы. Через три дня мы проведём открытый разбор без имён. До тех пор не называйте расчёт приговором.

— А старые требования? — спросила прачка.

— Сохраняются.

— А нас заставят работать до разбора?

— Если есть опасность, отмечайте первую графу. Такие обращения мы смотрим сегодня. Если непосредственной опасности нет, не обещаю решения в тот же день.

Слово «обещаю» прошло через горло свободно. Слово «я» тоже. Мирена почти успокоилась.

Писарь закрыл футляр.

— Вы берёте на себя ответственность за беспорядки.

— Нет. Я отвечаю за порядок в бюро и точность выданных нами бумаг. За чужое насилие отвечает тот, кто его совершает.

На слове «отвечаю» в горле кольнуло. Не боль — предупреждение, похожее на прикосновение холодного металла к коже.

Мирена замолчала.

Элиана повернула к писарю пустой бланк.

— Зафиксируйте дословно: бюро отказалось прекратить сбор сведений без предъявленного основания и предложило Домовому столу участвовать в открытом разборе. Если в донесении появится что-либо ещё, у лестницы пятьдесят три свидетеля.

— Пятьдесят семь, — поправила Тавия. — Четверо стоят во дворе.

Писарь ушёл, унеся незаполненное решение. Стражники задержались, чтобы взять по листу для своих матерей.

К полудню Тавия поставила у входа стол с формами. Яра

объясняла посетителям разницу между подарком и заказом, Белла — между домашним расходом и работой на рудничное товарищество. Гномы, не договорившись, кто виноват больше, записались на урок готовки в булочной.

Мирена принимала срочные обращения.

Первой была девушка, которую домовый договор не выпускал за порог после захода солнца. Но договор заключили до её рождения, и подписи девушки на нём не было. Мирена составила требование о временной защите, не касаясь самой клятвы.

Второй пришла старуха, желавшая взыскать с внуков плату за каждую рассказанную сказку. Выяснилось, что внуки навещали её по собственной воле и приносили продукты. Мирена предложила не превращать любовь в задолженность, а прямо попросить помощи с дровами.

Третья посетительница молчала. На её запястье проступала синяя нить речного соглашения. Стоило женщине приблизиться к двери, нить затягивалась.

— Имя? — спросила Мирена.

— Лисса.

— Кто наложил условие?

— Речной дом. Меня приняли как младшую сестру. Я очищаю заводь, штопаю сети, пою детям духов. Если ухожу дальше моста, вода поднимается в лёгких.

Мирена перестала писать.

— Вы хотите расторгнуть роль сестры или изменить обя-

занности?

— Уйти. Сегодня.

— Есть куда?

— К прачкам. Они дадут койку.

— Речные духи согласны обсуждать?

Синяя нить затянулась. Лисса закашлялась, и на губах выступила вода.

Тавия уже тянулась к колокольчику, но Мирена накрыла нить ладонью. Холод вошёл в пальцы.

— Свидетели, — сказала она. — Слушайте точно. Лисса получила жильё у заводи на один зимний сезон. За это она очистила берег и сети. Сезон закончился пять лет назад. Дальнейший труд не получил нового срока, цены и согласия. Название «младшая сестра» скрывает бессрочное удержание работницы. Лисса прекращает не родство, которого не выбирала, а обязанность служить речному дому.

Люди повторили главное: срок истёк; нового согласия нет; уход не создаёт долга.

Нить лопнула.

Вода хлынула из лёгких Лиссы на пол. Тавия подхватила её, Яра принесла полотенца, а Мирена осталась сидеть с ладонью, на которой синел след узла.

Внутри неё что-то закрылось без звука.

Она знала это ощущение. После мастерской Яры исчезло маленькое безопасное убежище — два слова, позволявшие признать перед собой пустое место в знании. Теперь пропало

другое. Но какое?

— Я... — начала Мирена.

Все смотрели на Лиссу. Можно было проверить незаметно.

Я устала, подумала Мирена.

— Мне нужно...

Она хотела сказать: «Мне нужно отдохнуть».

Получилось:

— Мне нужно сделать перерыв.

Смысл был почти тем же. Только это была просьба о действии, не описание себя.

Мирена попробовала снова:

— Я сейчас...

Горло сомкнулось. Воздух прошёл, слово нет.

Усталость оставалась в теле: дрожь в пальцах, песок под веками, тяжесть между лопатками. Исчезла не она, а право назвать её своей.

Элиана заметила паузу.

— Что вы потеряли?

Вопрос прозвучал негромко, но слишком близко к посетителям.

— Позже, — ответила Мирена.

Она не хотела, чтобы Лисса, едва начавшая дышать, услышала цену и решила вернуть нить. Не хотела, чтобы остальные увидели в ней мученицу, которой обязаны послушанием. И меньше всего хотела, чтобы Домовой стол получил

удобное доказательство: бывшая наследница опасна для самой себя, следовательно, её следует поместить под дворцовую опеку.

— Приём срочных обращений продолжит Яра, — сказала Мирена. — Только сбор фактов. Никаких толкований клятв до моего возвращения.

— Куда вы? — спросила Тавия.

— Наверх.

Лестница до чердачной комнаты насчитывала двадцать одну ступень. На шестнадцатой Мирена поняла, что не может сказать о себе «слабая». На девятнадцатой проверила «испуганная» — слово вышло. На двадцатой — «злая». Вышло слишком легко.

«Усталая» оставалось заперто.

Она села на кровать и составила таблицу.

В первой графе записала фразы, которые ещё могла произнести: «я боюсь», «я сержусь», «я хочу есть», «я ошиблась». Последняя потребовала усилия, но прозвучала. Во второй — утраченные: «я не знаю», «я устала». В третьей — обстоятельства потери.

Яра: одностороннее размыкание ролевой клятвы через публичное точное называние скрытого труда.

Лисса: то же.

Белла: соглашение заменено добровольно всеми сторонами; потери нет.

Собственное увольнение: роль отвергнута, но порядок

прекращения не определён; церемониальный голос погашен, отдельное слово не установлено.

Мирена смотрела на четыре строки, пока они не превратились в правило.

Магия брала плату не за помощь. Не за спор с традицией. Не за всякое изменение обещания. Она брала одно слово, которым Мирена описывала себя, когда её наследственное толкование заменяло отсутствующее согласие выгодополучателя.

Цена была не случайной болью. Клятвы питались ролями, а роль состояла из слов о том, кто человек такой. Размыкая чужое определение, Мирена отдавала часть собственного.

Если так будет продолжаться, она не лишится речи. Это было бы проще и заметнее. Она сможет обсуждать погоду, составлять заявления, спорить о ставках. Но однажды не сумеет сообщить, что ей больно, страшно, дорого, что она чья-то подруга или чья-то...

Последнее слово она не стала проверять.

В дверь постучали один раз.

— Мирена, это я, — сказала Тавия. — У меня хлеб, вода и дурной характер. Если не откроешь, применю всё по очереди.

Мирена открыла.

Тавия вошла, поставила поднос и заперла дверь. Потом без спроса отодвинула таблицу к себе.

— Элиана сказала, ты потеряла слово. Какое?

— Она не должна была.

— Она сказала только это и отказалась гадать при клиентах. Остальное я увидела сама. Какое?

Мирена попыталась ответить прямо. Горло перехватило.

Она указала на вторую строку.

Тавия прочла обе.

— Значит, ты знала после Яры.

— Я знала о первом случае. Не о правиле.

— И молчала.

— Клиентам не нужно платить за свободу чувством вины.

— Я не клиент.

— Поэтому сообщаю тебе сейчас.

— После того как ты чуть не упала на лестнице.

— Я не падала.

— Изумительная защита. В следующий раз дождёшься падения и сообщишь с безупречной точностью.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.